

Долина Лутовцова АПОКАЛИПСИС В НЕЯВЬ-МИРЕ

История вторая. Страшная сказка о борьбе добра и зла

12+

Полина Луговцова

Апокалипсис в Неявь-Мире

«Автор»

2018

Луговцова П.

Апокалипсис в Неявь-Мире / П. Луговцова — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-92810-7

В волшебном Неявь-Мире из-за роковых случайностей возвращаются к жизни колдуны и ведьмы. Возродившись, они становятся могущественнее, чем прежде. Сразу оказавшись в гуще событий, Ваня не отступает даже тогда, когда ему кажется, что битва между добром и злом проиграна. Только один страх он не в силах преодолеть до конца, - страх перед злостнем, жутким порождением Вечной Тьмы, оказаться в объятиях которого намного хуже, чем в когтях зубокрыла. В оформлении обложки использован рисунок художника-иллюстратора Наталии Гудожниковой.

ISBN 978-5-532-92810-7

© Луговцова П., 2018

© Автор, 2018

Содержание

1. Платье Леденюхи	5
2. Золотая рыба	9
3. Беда в Осени	13
4. Леденюха в ярости	17
5. Малышастик и Крохотуля	20
6. Чудовища Мрачного Леса	24
7. Заколдованное окно	28
8. В дорогу, на поиски солнца	33
9. Триумф Леденюхи	38
10. Золотые пауки ведьмы Карагары	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Полина Луговцова

Апокалипсис в Неявь-Мире

1. Платье Леденюхи

Синие тени на снегу становились длиннее. Начинало уже смеркаться, когда впереди показались остроконечные башенки Снеговении. Купец Петр возвращался из Весении, довольный. Дальняя поездка в соседнюю страну вышла удачной: он продал весь товар, да вдобавок купил целую гору подарков и диковинных угощений, каких в его стране Снеговении еще не видели. Вот жена и дети обрадуются! Хорошо, что теперь можно путешествовать в другие страны и ничего не бояться, не то что раньше. Были времена, люди уходили в Весению и не возвращались. Долго никто не знал, что случилось с ними. Много народу пропало, пока опомнились да перестали ходить. Думали всякое, жили в страхе. Но однажды пропавшие вернулись все разом! Целая толпа людей неожиданно ввалилась в деревню. Вот была неожиданность-то! Деревенские высыпали из домов, окружили их, рты раскрыв от удивления, глазам не веря. Потом обниматься начали. Ох, и счастья было!

Вернувшиеся жители наперебой рассказывали жуткую историю о том, что в Краснолети попали в плен к злобному существу, Мохомором его называли, колдуном. Этот колдун насылал на своих пленников дурман, отчего те делались несчастными и начинали непрерывно лить слезы. Слезы падали на землю, и в том месте вырастал особенный мох, которым колдун и питался. Силу свою колдовскую получал от него, выросшего на горе и несчастьях. И пусть несчастья те лишь во снах были, но сами сны казались явью! Год за годом длился мучительный плен, и люди думали, что это навечно. Но однажды произошло чудо: гном наелся какого-то странного мха, отравился и лопнул, превратившись в облако пыли. Его колдовские чары исчезли вместе с ним, а пленники освободились от пут. Говорили, что это все благодаря мальчишке по имени Ваня и его подружке, Живинке, той, что из Снеговении. Дети последними попали в плен к гному. Рыдали, рыдали, как и все, а однажды надоело им слезы лить! И стали они шутить и веселиться, да так, что досмеялись аж до слез. Дети, они ведь всегда такие – долго не могут грустить и плакать, им и пошутить хочется! Тогда Ваня и заметил, что от слез смеха вырос мох другого цвета – не зеленый, а ярко-оранжевый. Умный мальчишка сразу смекнул, что такой мох может оказаться ядовитым для Мохомора, потому что вырос не от горя, а от веселья. Так оно и вышло. Любопытный злодей съел оранжевый мох, отчего через пару мгновений взорвался, как новогодняя хлопушка. И мокрого места от мучителя не осталось! Удивительная история! Но мало того, позже этот юный герой снова совершил подвиг – победил ведьму Леденюху, издавна свирепствовавшую в окрестных лесах Снеговении! С ведьмой никто не мог справиться. Много людей сгубила злодейка, а живности – и вовсе не счесть! Теплом живых существ питалась, отчего ее жертвы превращались в ледяные статуи. Сколько раз жители Снеговении пытались найти колдунью и расправиться с ней, но тщетно. А те, кому довелось повстречаться с Леденюхой, назад больше не возвращались, что означало: одолела их проклятая злодейка! Никто не мог остановить ее. И как мальчишке это удалось? Но расспросить его об этом не смогли: Ваня таинственным образом исчез, и с тех пор его больше никто не видел. Живинка рассказала, что вроде как этот Ваня был из другого мира – мира Яви – и отправился обратно. Ну до чего невероятная история!

День близился к вечеру, и морозный воздух стал еще студенее. Снег звонче закрипел под полозьями саней. Хорошие это были сани, не простые. Ехали сами! Ни собак, ни оленей, ни лошадей не нужно было запрягать в них! Они и по воздуху могли летать, да только Петр высоты боялся. Однажды полез на дерево за кедровыми шишками да свалился с самого верха,

чудом не сломал ничего. С тех пор не мог побороть страх. Да к тому же был он мужчиной упитанным, с большим и круглым животом, которого всегда стеснялся, но поделаться ничего не мог: покушать очень любил. Больно уж жена его хорошо готовила! Такими волшебными приспособлениями, как «хлебосольники» и «водохлебники», никогда не пользовалась, не то что другие хозяйки! Нет, Петр был согласен с тем, что это довольно полезные в хозяйстве штуки, да только никакой «хлебосольник» не мог накормить своего хозяина таким наваристым борщом, какой получался у его жены Марии, или подать такое же ароматное жаркое с грибами в горшочке! Хотя пироги да блины из «хлебосольников» выходили отменные, тут не поспоришь! Но ведь не раз бывало: рассердится хозяин «хлебосольника» по какой-нибудь причине (да мало ли причин рассердиться, например, из-за бури снежной, завалившей двор сугробами, или из-за того, что лопата для чистки снега сломалась, или другие житейские неприятности вдруг расстроят – с кем не бывает, в общем!), откроет свой «хлебосольник», а там вместо сытного обеда лишь сухая корочка хлеба с солью! Или совсем пустота! «Хлебосольники» сердитых не кормят. И что делать тогда? Голодному ходить? Голод Петр не любил! Потому и не доверял этим «хлебосольникам» да «водохлебникам», хотя они и имелись в его хозяйстве на крайний случай.

Вдруг сани затормозили и остановились. «Что за дела? – подумал Петр. – Только этого еще не хватало на ночь глядя!» Кряхтя, он слез с теплого насиженного места, присел на корточки и стал разглядывать полозья саней: может быть, ветка или коряга под снегом торчит? С одной стороны все было в порядке. Он обошел вокруг, и там, в самом деле, заметил препятствие, но не ветку, а кусок ткани, зацепившийся и намотавшийся на лыжу. Петр принялся разматывать тряпку, но та так смерзлась, что пришлось немало потрудиться, прежде чем ему это удалось. «Ну, вот как тут не сердиться? – ворчал Петр, дыша на озябшие пальцы. – И откуда эта тряпка среди чистого поля взялась-то?» И вдруг вздрогнул от нехорошей тревожной мысли – а что, если это замерз кто? Торопливо стал разгребать снег в том месте, но к счастью, мертвеца под снегом не нашел, а лишь вытащил всю тряпку целиком. Потряс, расправил. Захрустела и посыпалась ледяная корка. «Да это ж платье! – присвистнул удивленно. – Надо же, красивое какое, дорого расшитое!» В лунном свете засверкали в изобилии жемчужные и бриллиантовые бусины, заискрились вышитые серебром узоры. «И кто ж такую красоту выбросил здесь?» – Петр огляделся, но вокруг него было лишь пустынное заснеженное поле, а впереди светились теплым желтым светом огоньки деревенских домов, сулящих тепло замерзшему путнику. Петр бросил платье в один из дорожных мешков, кряхтя, залез обратно в сани и приказал им ехать вперед, да побыстрее. «Вот Мария моя обрадуется такой находке!» – подумал он, представляя ее круглое улыбочное лицо, и на душе у него потеплело.

Мария и трое детей-погодков, два мальчика и девочка, ждали главу семейства в дверях, издали заслышав скрип полозьев. Жена радостно обняла мужа после долгой разлуки, пригласила за стол, уставленный дымящимися ароматными кушаньями, а сама принялась разбирать привезенные сувениры, доставая их из объемных дорожных мешков. Мешок со сладостями сразу забрали дети, высыпали все его содержимое на большом кухонном столе, потеснив отца, зашуршали хрустящими обертками. Раздались их восторженные возгласы.

Мария, взяв мешок с сувенирами, отправилась в кладовую, где обычно хранился привезенный товар. Раскрыла его и стала доставать диковины, разглядывала их, радуясь, как ребенок, а затем бережно убирала в сундуки. Как же ей понравились картины с чудесными пейзажами Весении: зеленые луга, уходящие в небо, сады, цветущие так густо, будто деревья там облили взбитыми сливками, прозрачные ручьи в солнечных искорках, стайки порхающих птиц, ярких, как россыпь конфетти. Картины были не простые, а, как и многие вещи в ее мире, волшебные: от них исходил аромат цветов, слышалось птичье щебетание и шум воды, можно было даже обогреть руки ласковым теплом весеннего солнца. Любовалась Мария, и казалось ей, словно сама там побывала. Чудо, доселе невиданное!

В другом мешке оказалась одежда, но какая! Не теплая и шерстяная, какую носили в Снеговении, а легкая, воздушная. Шелковые и атласные наряды высыпались из мешка на сундук и запестрели красочными тканями: белые лилии на желтом, голубые васильки на белом, алые розы на черном и еще множество цветов, названия которых Мария не знала. Да и эти немногие цветы, о которых ей было известно, она никогда в глаза не видела, разве что на картинках учебников, когда еще в школу ходила, а было это давным-давно.

Перебирая яркие наряды, вдруг заметила среди разноцветья странное белое платье – мягкое и даже чуть-чуть грязное, но именно его ей захотелось сразу примерить. И хотя ткань не пестрела цветами, но до чего тонким и невесомым было кружево, из которого она была соткана! Словно из сотни тысяч ажурных снежинок! Мария расправила его и ахнула, едва не ослепнув от блеска. Все платье было густо расшито драгоценными камнями – перламутровыми жемчужинами, прозрачными, как слеза, бриллиантами, голубыми, как небо, топазами – и украшено узорами из серебряных нитей. И хотя дорогой, но явно несвежий наряд не мешало бы вначале постирать, Мария не удержалась и тут же надела его на себя поверх домашнего сарафана: уж очень хотелось узнать, впору ли ей эта красота. Подошла к большому зеркалу, чтобы полюбоваться собой, – оттуда на нее смотрела королева! Но что это? Как вдруг стало холодно! Неужто знобит? Простудилась? «Наверное, потому что платье только с мороза!» – подумала Мария и поежилась. Торопливо сняла наряд, но холод не только не исчез, а, наоборот, еще усилился. Сердце будто в ледышку превратилось, а в животе, казалось, появились сосульки. Вся кожа покрылась мурашками. Мария уронила снятое платье на пол и, посмотрев на свои руки, обомлела от страха: – пальцы стали прозрачными и совсем не сгибались. Она захотела крикнуть, позвать мужа на помощь, но шею словно сдавило ледяным обручем. Не сумев издать ни звука, женщина вдруг пошатнулась и с оглушительным грохотом упала на пол.

Петр, уплетавший на кухне горячий борщ, вздрогнул и выронил ложку, которая шлепнулась прямо в тарелку, разбрызгав бордовую жидкость по белоснежной скатерти. Дети, перебиравшие конфеты, подняли головы и посмотрели в сторону кладовой, откуда раздался стук.

– Мария! – крикнул отец семейства. Ответа не последовало. Странно. Детишки уже помчались посмотреть, что произошло. Вскоре оттуда раздался вопль дочки:

– Мама ледяная! Папа! Беги сюда скорее! Мама ледяная!

Петр вскочил и, не чуя под собой ног, бросился на зов. Сердце оборвалось в груди, когда увидел страшное зрелище: его Мария лежала на полу, вся прозрачная, сквозь лицо, шею и руки просвечивали синие узоры коврика, а рядом валялось то самое платье, найденное им в снегу по дороге домой.

– Мама! Мама! – испуганно кричали дети, теребя ее за твердые ледяные руки, но та продолжала неподвижно лежать на полу.

Петр опустился на колени возле жены и посмотрел в страшное застывшее лицо. Он не мог поверить в то, что видел. Подумал, что, наверное, это просто кошмарный сон, ведь не может же быть такого на самом деле. «Ледяная! – стучало в голове. – Ледяная, ледяная, ледяная!»

– Мама! Мамочка! Вставай-ай! – рыдали дети.

Вдруг Петру показалось, что ткань платья на груди жены шевельнулась. «Неужто дышит?» – мелькнула радостная мысль. Вспыхнула надежда – и тут же погасла. Нет, грудь не вздымалась от дыхания. Ткань продолжала шевелиться, и выглядело это так, словно под платьем что-то ползло. Маленький бугорок перемещался от середины груди к вырезу. Петр в оцепенении наблюдал за ним, гадая, что это может быть. Из-под края ткани выползла букашка размером с муху, только крыльев у нее не было. Петр присмотрелся и вскрикнул: то была совсем не букашка, а крошечный человечек! Худая женщина, старуха с редкими белыми клочками волос на голове. «Ну все, это точно сон! – решил Петр. – Или я вижу кошмар, или у меня с головой что-то не в порядке! Чудится всякое!» Он с любопытством продолжил наблюдать за странным существом. Женщина подняла голову и посмотрела Петру прямо в лицо красными

злыми глазами. Она вытянула тонкие синие губы, словно хотела его поцеловать. Ледяной холод тотчас сдавил сердце Петра. «Леденюха! Ведьма!» – успел подумать он, догадавшись в последний миг, и свет померк перед ним.

Дети завизжали, когда их отец с громким стуком упал на пол рядом с матерью. Вдруг они заметили безобразную старуху-карлицу, ковыляющую к ним на четвереньках. И откуда только взялась? Все трое в ужасе уставились на нее, даже не подумав убежать прочь. Страшная незнакомка по очереди заглянула в глаза каждому, и через мгновение еще три ледяные фигурки упали на пол рядом с родителями. А карлица заметно подросла, почти достигнув человеческого роста.

Леденюха (а это и в самом деле была она) громко вздохнула, прокашлялась и просипела:

– Ох! Ну, наконец-то! Триста шестьдесят пять лет прошло! Уже и не думала вновь воскреснуть!

Она подняла с пола свое платье, надела на себя. Посмотрела в зеркало, в которое совсем недавно смотрела Мария, и хмыкнула:

– Ишь ты! Понравился дурехе мой наряд! Поносить захотела! Я и сама еще его поношу! Так-то вот! Нечего на чужое зариться! – Ведьма любовно разгладила складки на ткани скрюченными костлявыми пальцами. – Выручило меня мое платьице-то! Сокровище мое!

И Леденюха захихикала кашляющим смехом. Она презрительно посмотрела на пять ледяных фигур, распростертых у ее ног, перешагнула через них и направилась к двери. Ей нужно было срочно восстановить утраченные силы, а ночь – самое подходящее время для этого. Ночью люди спят, а снеговики-охранники стоят снаружи и не смогут увидеть ее. Некому будет поднять тревогу. Когда же заметят, что произошло, будет уже поздно. К тому времени Леденюха возьмет в Снеговении власть в свои руки! А после отправится в Явь-Мир, – ведь ей же теперь известен секрет, и она может попасть туда. Мальчишка, который сотворил с ней страшное зло, не останется безнаказанным! Подлец едва ее не убил! Совсем чуть-чуть не хватило для того, чтобы быть уничтоженной окончательно! Лишь самая крошечная частичка ее уцелела, затаилась в складках платья, вмерзшего в снег, и ждала. Все ждала и ждала, целых триста шестьдесят пять лет, и дождалась, наконец! Как только платье оказалось надето на живую женщину, крупница ведьмы тотчас высосала из нее все тепло, и – о чудо из чудес! – Леденюха воскресла!

Настроение у ведьмы было отличное. Она вышла на темную и пустынную деревенскую улицу и направилась к соседнему дому, тихо напевая себе под нос только что пришедшую на ум песенку:

*«Я – колдунья Леденюха,
С виду дряхлая старуха,
Но тепла еще напыюсь –
Тотчас же омоложусь!
Лучшая подруга – ночь –
В этом сможет мне помочь!
Прямо с завтрашнего дня
Буду править миром я!
Всех вокруг повергнет в трепет
Скоро магия моя!»*

2. Золотая рыба

Грохочущее море в Осении потому так и называли, что оно никогда не успокаивалось. Волны с оглушительным грохотом обрушивались на берег, разбиваясь и разлетаясь в стороны мириадами брызг, и, схлынув, оставляли после себя белую пенную кайму по всему побережью. Мореплаватели давно оставили попытки переплыть это дикое море, к тому же на другом берегу его были лишь Одинокие Горы, в которых никто не жил. А еще ходили слухи, будто бы в тех горах обитал лютый зверь – огнедышащий дракон! Поэтому давно уже ни у кого не возникало желания отправиться туда. Те же смельчаки, которые все-таки отваживались выйти в море, чтобы порыбачить, возвращались обратно вплавь, едва живые, чудом уцелевшие. А корабли и лодки их превращались в мелкие щепки. И хотя у моря был очень буйный нрав, оно щедро выбрасывало на берег рыбу – много рыбы. По утрам приходили люди и собирали еще живой серебристый «улов» в большие плетеные корзины, которые потом отправлялись на рынок. Но прежде корзины, наполненные до краев, выставляли ровными рядами для погрузки, и в это время к морю обычно подъезжала повозка с королевским шеф-поваром. Тот принимался выбирать из них лучшие экземпляры. Делал он это тщательно и потому очень медленно: принюхивался, присматривался, копался в живой трепыхающейся рыбной массе, иногда брезгливо морщился, а иногда довольно щелкал языком. Ведь выбирал он рыбу не для кого-нибудь, а для самой королевы Листопадии и ее дочки, принцессы Дождинки.

В это утро шеф-повару удалось найти прямо-таки огромную рыбину. Она была гладкая, блестящая, с серебристой чешуей и ясными глазами, что соответствовало всем необходимым требованиям при отборе. Вот только брюхо у нее было какое-то раздутое, слишком большое. «Что ж, возможно, эта рыба просто хорошо пообедала перед тем, как оказалась в корзине у рыбаков!» – подумал шеф-повар и, отбросив сомнения, забрал ее.

Вскоре после этого рыба оказалась на королевской кухне. Она была такая тяжелая, что поднимать ее на разделочный стол пришлось троим поварам. Вооружившись огромными ножами, они не без труда разрезали рыбе брюхо, вывалив внутренности в бочку для отходов, и принялись отделять нежное белое мясо от костей.

Бочку должны были вскоре отвезти к помойной яме, куда обычно свозили все отбросы. Через некоторое время кухарка Анна подошла к той бочке, чтобы выбросить картофельные очистки и луковую шелуху. Она уже собиралась опрокинуть в нее полное помоев ведро, как вдруг среди рыбьих внутренностей заметила нечто странное: это не было похоже на рыбы внутренности – скорее, на кожаный мешок. Анна перегнулась через край бочки и присмотрелась: точно, мешок, и он был явно чем-то наполнен. Кухарка знала, что в рыбьих потрохах можно найти много чего интересного: иногда попадались раковины с жемчужинами или даже какие-нибудь предметы. В былые времена в море разбилось немало кораблей, и рыбы часто проглатывали то, что плавало в морской пучине. Однажды повара обнаружили в рыбьих кишках подозрительную трубу, в другой раз – целую коробку со столовыми приборами из чистого серебра. Еще был случай: нашли кошелек с золотыми монетами! И поэтому Анна всегда присматривалась к рыбьим потрохам: вдруг и ей попадется что-нибудь ценное? А эта рыба, чьи внутренности заполнили всю бочку почти доверху, была просто огромная. Такая рыба могла много чего проглотить! Анна взялась за мешок и потянула его на себя. Тяжеленный, не поднять! Она поднатужилась еще. Не зря ведь она работала на кухне с самого детства, и ей не раз приходилось поднимать и переносить тяжелые ведра и кастрюли. Ей во что бы то ни стало хотелось вытащить из бочки этот мешок, но на помощь звать она никого не собиралась: ведь тогда придется поделиться, если там вдруг окажется что-нибудь стоящее! Однако вытащить мешок никак не получалось. Кухарка покраснела от натуги, сопела и пыхла, и, наконец, ей удалось перевалить неподъемный груз через край бочки, но она не смогла его удержать – мешок сполз

вниз и плюхнулся обратно. Зато Анна успела заметить, что мешок был не такой уж большой, но очень тяжелый для его размера. «Что же в нем спрятано?» – гадала женщина. Платье на ней стало мокрым от пота, натруженные руки болели, но сдаваться Анна не собиралась. Она вновь вцепилась в добычу и вложила все силы в рывок. Мешок с громким чавканьем выскочил из бочки, на секунду завис на краю и плюхнулся прямо в стоявшее на полу ведро, смяв под собой картофельные очистки и луковую шелуху. «Получилось!» – обрадовалась Анна и тревожно осмотрелась по сторонам: не заметил ли кто ее действий? На кухне всегда было очень шумно, как и теперь: вокруг все шипело, булькало, звенели крышки кастрюль, звучали зычные голоса поваров, переговаривающихся между собой. Все были заняты своим делом, никто не смотрел на нее. Женщина подхватила ведро за ручку и, согнувшись под его тяжестью, поспешила к выходу из кухни. Но перед тем как выйти, она опомнилась: ведь с той стороны дежурил надзиратель, следящий за тем, чтобы из кухни не выносили продукты! Вдруг он спросит, что в мешке? Кухарка поставила ведро, сунула руки под мешок и вытащила из-под него охапку кожуры от картофеля и луковой шелухи. Тщательно засыпав ими свою находку, поспешила дальше. Помойное ведро с очистками не заинтересовало надзирателя – он был слишком брезглив, чтобы рыться в помоях, – поэтому Анне удалось беспрепятственно пройти мимо. Вскоре она очутилась на заднем дворе королевского дворца и поспешила дальше, делая вид, что направляется к крышке помойной ямы. Однако, оглянувшись и увидев, что вокруг никого нет и за ней никто не наблюдает, женщина прошла мимо и повернула к домикам для прислуги. Через несколько десятков шагов Анна оказалась у себя дома. К счастью, мужа и детей не было, и никто не мог помешать ей изучить содержимое мешка. Она очень волновалась, пока развязывала намертво затянутые узлы. «Жаль, если там просто куча булыжников, столько усилий пропадет даром!» – думала она, терзая веревки трясущимися руками. Мокрые и скользкие, они никак не хотели распутываться, пришлось взять кухонный нож и разрезать их. Когда горловина мешка распахнулась, Анна ахнула и села на пол, уставившись на его содержимое широко раскрывшимися глазами. Такого богатства ей в жизни не приходилось видеть наяву! Перед ней сверкала ярким желтым блеском целая куча золотого песка! «Я богата! Богата! Богата!» – звенела в голове одна и та же дурманящая мысль.

Через несколько минут Анна оправилась от шока и занервничала, испугавшись: а не видел ли кто, как она шла с тяжелым ведром к себе домой? Что, если о драгоценной находке кто-нибудь узнает? Ведь то, что находилось в королевской рыбе, должно было стать собственностью королевы Листопадии. «Но разве это справедливо? – подумала Анна возмущенно. – Королева и так богата, у нее полные сундуки золотых монет и множество дорогих нарядов! А у моих детей давно не было новых игрушек. На игрушки жалко тратить деньги, потому что дети так быстро растут, что все время приходится покупать им новую одежду! А теперь я могла бы купить им все, что они хотят!» Анна размышляла, представив, как отправится на рынок покупать игрушки детям, но тут же спохватилась: надо быть очень осторожной, никто не должен узнать о том, что у нее целый мешок золота! Его нужно срочно спрятать и брать оттуда понемножку, постепенно. Она сошьет маленькие мешочки и наполнит их золотым песком. Такие можно выменять на рынке на золотые и серебряные монеты. В случае чего можно сказать, что водогоры рассчитались с ней за овощи, выращенные в огороде. Женщина слышала от людей, что с тех пор, как ведьма Карагара была уничтожена в горном подземелье, водогоры снова принялись добывать золото. Королева Листопадия была всегда очень добра к этим гномам и разрешала им оставлять немного золотого песка себе, а те иногда приходили на городской рынок и платили за товар такими вот мешочками. Так что никто ничего не заподозрит, если быть аккуратной. А теперь пора все прибрать, а то комната похожа на помойку: повсюду валяются картофельные очистки и луковая шелуха! Еще и сырой рыбой воняет! Если муж заявится на обед, что тогда подумает? Анна откинула крышку погреба и, тщательно завязав мешок, спихнула его вниз. Потом она выкопает яму и спрячет его более надежно. А сейчас –

за уборку! Хозяйка вооружилась веником и принялась тщательно выметать мусор. Тщательно прибрав и проветрив комнату, она поспешила обратно в королевский дворец, на кухню, трясясь от страха: ведь нельзя надолго оставлять рабочее место, никого не предупредив об этом! Шеф-повар гневно закричал, увидев ее:

– Анна, где тебя носило, несносная ты лентяйка?! У тебя же весь бульон выкипел!

– Ой, простите! Картофель вдруг закончился, в кладовую ходила! – виновато пробормотала женщина первое, что пришло ей на ум. А у самой от страха сердце ушло в пятки. Только бы никто ничего не заподозрил! Но шеф-повар уже отвернулся и отчитывал другого работника кухни, у которого подгорали котлеты.

– Ты что, не чувствуешь, какой запах? Они же горят! Простофиля! Сколько можно тебя учить?!

Кухарка Анна с облегчением вздохнула и вернулась к своей повседневной работе, принялась нарезать картофель для супа. Руки у нее слегка дрожали.

Вечером она мчалась домой, как на крыльях, думая о том, что стала богатой. По-настоящему богатой! Сбылась, наконец, заветная мечта! Всю жизнь ей, выросшей и прожившей пусть не в бедности, но все же и не в достатке, очень хотелось разбогатеть. Так сильно хотелось, что каждый день Анна мечтала только о богатстве, представляя себе драгоценные камни, жемчужные ожерелья и золотые монеты в бесчисленном количестве.

Поздней ночью, когда муж и дети уснули, Анна выбралась из кровати и на цыпочках направилась к крышке погреба. Бесшумно, словно привидение, она спустилась вниз и поискала глазами драгоценный мешок: тот лежал там же, где она его оставила. Нужно было выкопать тайник, но вдруг захотелось снова посмотреть на свое сокровище, и она развязала веревку, стягивающую горловину. Блеск золота вырвался наружу столбом желтого сияния, разогнав полумрак, словно солнечный луч. Анна набрала полные пригоршни золотого песка, подняла руки и наблюдала, как блестящие ручейки, сияя, текут между пальцев, издавая приятное шуршание. Зрелище казалось ей самым красивым из всего, что она видела за свою жизнь. Она смотрела и смотрела, потеряв счет времени, сидя у мешка с застывшим взглядом, и все пересыпала пригоршни песка из одной руки в другую. Затем, не отдавая отчета в том, что делает, Анна лизнула покрытую прилипшими песчинками ладонь и проглотила несколько. Они показались ей необыкновенно вкусными, и тут вдруг появилось странное ощущение, которого раньше она никогда не знала. Словно в ней силы прибыло. Ей вспомнилось разгневанное красное лицо шеф-повара, который сегодня накричал на нее и обозвал лентяйкой, нагнав страху. Анна всегда была трусливой, но теперь почувствовала в себе такую смелость, даже дерзость, что запросто могла бы плюнуть повару в лицо! Никогда она не была такой отважной, как сейчас. Анна проглотила еще несколько золотых песчинок, затем – еще и еще, и не заметила, как начала сыпать драгоценный песок себе в рот целыми горстями, лишь испытывала ощущение могущества, растущее внутри. Остановилась только тогда, когда мешок полностью опустел. С недоумением потрясла серую грязную тряпку, словно не хотела верить, что внутри больше ничего нет, потом раздраженно отбросила в сторону. Вздохнула тоскливо, оглядывая темный подвал, и внезапно поняла, что ей надо идти. Еще не догадываясь, куда именно пойдет, но в то же время уверенная, что ноги сами приведут ее в нужное место, Анна выбралась из погреба в дом, тенью выскользнула за дверь и направилась к «черному» выходу в дворцовой стене.

Охранник преградил ей путь, удивленно глядя на странную растрепанную женщину, направляющуюся поздней ночью неизвестно куда. Анна даже разговаривать с ним не стала, только взглянула в глаза, и тот выронил свое оружие, которое с глухим стуком упало на землю. Анна перешагнула через него и, откинув на дверце огромный засов так легко и просто, словно он был сделан не из толстого металла, а из бумаги, оказалась снаружи. За считанные минуты кухарка пересекла дворцовую площадь, прошла несколько улиц и оказалась у городских ворот, где дежурили двое стражников. Но и они не смогли ее остановить – отлетели в сторону от легкого толчка, будто были легче подушек, а потом лишь изумленно смотрели ей вслед, и когда

она скрылась из виду, оба одновременно решили, что эта странная женщина с сияющими желтыми глазами им почудилась.

Анна торопливо прошла по пустынным деревенским улочкам и устремилась через поля и сады по направлению к возвышавшемуся впереди хребту Карагаровых гор, освещенному лунным светом. Но даже если бы луна была скрыта в тучах, Анна безошибочно нашла бы дорогу: ее глаза теперь видели в ночи так же хорошо, как и днем. Она не чувствовала, как ступни ее босых ног стираются в кровь от быстрой ходьбы, и шла дальше, оставляя кровавые следы на траве. Ее влекло золото, спрятанное в горных недрах. Анна четко знала, куда идет, но странно: почему-то не могла вспомнить, откуда. Из памяти начисто стерлись воспоминания о родном доме и о том, что там остались ее муж и дети. Стерлись из памяти их лица и имена. Она забыла, что совсем недавно была Анной и работала кухаркой на королевской кухне, словно этого и не было никогда. Ей и не нужно было это помнить. Теперь ее имя было Карагара!

3. Беда в Осени

Утро в королевском дворце выдалось тревожное: не успела королева Листопадия привести себя в порядок после сна, как в дверь ее спальни постучали.

– Ваше Величество! – услышала она голос слуги. – Пришли водогоры! Они взволнованы и срочно хотят вам что-то сообщить!

– Они сошли с ума, если заявили в такую рань! – капризно ответила королева. Служанки как раз закончили возиться с ее прической и надевали на ее голову корону. Эту процедуру королева любила больше всего. Она смотрела на себя в зеркало и наслаждалась зрелищем сверкающего символа власти. Какая досада, как неприятно, что ей помешали именно в этот момент!

– Но водогоры говорят, что дело важное и тайное! И не терпит отлагательства, – пробубнил из-за двери слуга.

– Ну, хорошо, хорошо, уже иду, – ответила Листопадия с некоторым раздражением и направилась к выходу. Правда, увидев в тронном зале обеспокоенное лицо своего любимца, гнома Крохотуна, она устыдилась, что рассердилась на раннего посетителя. Он был не просто взволнован, а, похоже, находился в состоянии паники! В его черных, как угли, глубоко спрятавшихся под нависшими бровями глазах застыл ужас, а лицо было белым, как только что выпавший снег. Остальные водогоры, толпившиеся за его спиной, перешептывались и тоже казались не на шутку испуганными.

– Ваше Величество! – выкрикнул Крохотун и вдруг осекся. Прикрыв рот рукой, оглянулся по сторонам, и, убедившись, что рядом с ними нет посторонних, зашептал: – Ведьма Карагара воскресла...

Раздались тяжелые вздохи гномов, тревожный шепот наполнил помещение.

– Что?! С чего ты взял?! – От удивления королева плюхнулась на трон, вместо того, чтобы плавно и величественно опуститься на его бархатное сиденье.

– Это истинная правда! Я сам видел ее, вот этими вот глазами! – И гном, подняв пальцами надбровные дуги, выпучил свои маленькие глазки. Вышло забавно. Листопадия рассмеялась.

– Да я вижу, ты пришел меня повеселить? – спросила она добродушно.

– Не до веселья, Ваше Величество, совсем не до веселья! – затараторил Крохотун, покраснев от волнения. – Вы же знаете, что мы добываем золото в Карагаровых горах, но не живем там. Мы живем в лесу.

– Ну, конечно же, я знаю о вас все: ведь водогоры – очень древний народ, издавна живущий в Осени! Рассказывай о деле! – поторопила его королева.

– Так рассказываю же! Сегодня ранним утром мы отправились к тому месту, где обычно добываем золото. Спустились в горное подземелье и, как обычно, принялись за работу. Вы же знаете, что с тех пор, как лопнула и превратилась в пыль ведьма Карагара, к ее хранилищу никто не прикасается, потому что ее частицы рассеялись по золоту, лежащему там. Мы боимся трогать это золото, хотя его там огромный запас, – тараторил Крохотун, – и добываем новое золото из ручья. В этот раз мы поработали совсем недолго. Представьте, мы увидели, как прямо из этого хранилища восстала живая и невредимая Карагара! Началась паника. Я бросился бежать, и со мной еще несколько водогоров, но большинство наших она успела опутать золотыми цепями и приковать к скале! Спасти удалось немногим. И вот, мы сразу примчались сюда, чтобы рассказать о беде!

– Но так не бывает... – растерянно пробормотала королева. – Ты уверен, что ничего не путаешь? Просто взяла и восстала из небытия? Ведь ты рассказывал... э-э-э... когда это было?

– Триста шестьдесят пять лет назад! – напомнил гном.

– Да, верно. Как же летит время! – Королева потерла лоб тонкими изящными пальцами, унизированными перстнями с драгоценными камнями, вспоминая прошлое. – Триста шестьдесят пять лет прошло, подумать только! Ты рассказывал, что сам видел, как ведьма лопнула и рассеялась в пыль! И этот мальчик из другого мира... Ваня, кажется... Он тоже мне про это рассказывал! Кстати, я слышала, он вернулся домой, обратно в свой мир.

– Да, жаль, что Вани нет сейчас с нами! Он такой умный, придумал бы что-нибудь! В прошлый раз он использовал средство против колдунов и колдуний, добытое им в Краснолети, в Мрачном Лесу. Им он уничтожил колдуна Мохомора, мучившего и заставлявшего своих пленников рыдать дни и ночи напролет. Кажется, это был оранжевый мох. Потом Ваня испробовал его на Карагаре, и средство сработало! Она лопнула, проклятая ведьма, просто рассеялась в пыль! А сегодня утром я видел ее своими глазами, живую и невредимую! И она взяла в плен моих братьев! – волновался Крохотун. – Что же делать, Ваше Величество? Что же нам теперь делать?

– Что же нам теперь делать... – задумчиво повторила королева и стала размышлять вслух. – Теперь оранжевого мха, с помощью которого Ваня уничтожил ведьму, у нас нет! Как ты думаешь, может быть, тебе отправиться в Краснолетию за оранжевым мхом? Вдруг мох до сих пор растет в Мрачном Лесу? Можно попробовать снова подсыпать его Карагаре.

– Вы шутите, Ваше Величество? – протестующе воскликнул гном. – Теперь Карагара к своему хранилищу близко никого не подпустит! Лучше уж вам отправить в подземелье вооруженных солдат!

– Нет-нет, тут надо хорошенько подумать, – возразила Листопадия. – Когда дело касается злых колдунов и колдуний, нужно быть очень осторожными, чтобы не угодить в их ловушку! Все же я настаиваю, чтобы ты немедленно отправлялся в Краснолетию. Оранжевый мох мог бы помочь нам справиться с ней! Добудь это растение, а я тем временем соберу совет мудрецов, чтобы они подумали, как накормить ведьму этим средством! Ты же попроси короля Солнцещека, чтобы он снарядил в Осению свое войско в помощь мне. Когда солдаты из Краснолетики придут к нам, мы объединим наши войска и тогда выступим против ведьмы.

Поблизости раздался писклявый детский голосок. Оказалось, это Дождинка, дочь королевы. Проснувшись в своей спальне, девочка услышала громкие разговоры и спустилась в тронный зал. Все это время она молча слушала рассказ Крохотуна, стоя у лестницы, и только теперь заговорила:

– Здравствуй, Крохотун! Здравствуйте, водогоры!

Те ответили дружным приветствием, громыхнув хором:

– Да здравствует Повелительница Дождя принцесса Дождинка!

Девочка обратилась к королеве:

– Мама! Я слышала все эти ужасные новости... Что, если нам вызвать дождь? – предложила она. – Все водогоры, которые не попали в плен, вырастут и превратятся в великанов, тогда и без солдат можно будет обойтись! Ведь однажды они уже смогли справиться с Карагарой.

Но Крохотун возразил:

– Это верно, но как мы доберемся до нее? Ведь Карагара в подземелье, а мы, водогоры, став великанами, даже не пролезем туда! Можно, конечно, разрушить горы, но тогда под завалом вместе с ведьмой мы погубим и своих соплеменников!

– Так не пойдет! Нужно хорошо подумать, как сделать все аккуратно, чтобы никто не пострадал. – Королева Листопадия озадаченно наморщила лоб. – Ты, Крохотун, отправляйся к Солнцещеку в Краснолетию. Нет, подожди! Я напишу тебе сопроводительное письмо!

Королева пригласила писаря и принялась быстро диктовать ему текст.

Получив запечатанный конверт, Крохотун торопливо попрощался и готов был бегом помчаться выполнять приказ, но королева Листопадия распорядилась, чтобы его и других гномов, присутствующих в зале, отвезли в Краснолетию в королевской карете.

По дороге Крохотун заехал в свое селение, чтобы попрощаться с женой Лилипуйей и детьми – сыном Малышастиком и дочкой Крохотулей. Но те, почуяв неладное, наотрез отказались оставаться дома. Из Лилипуйи посыпались вопросы, а обмануть его проницательную женушку было невозможно. Гном подумал: а почему бы и не взять всю семью с собой? Оставаться в Осении было небезопасно. Кто знает, вдруг Карагара выйдет из подземелья, чтобы захватить в плен новых рабов? Крохотун отвел жену в сторону и скомканно рассказал о случившемся. Лилипуйя побледнела и прошептала: «Что же с нами будет?», но быстро взяла себя в руки, потому что заметила, что любопытный Малышастик уже смекнул: случилось что-то плохое, а матери не хотелось пугать детей. Собрав немного еды и теплые вещи, Крохотун и его семья вышли к карете, в которую набилось столько водогоров, что для них едва нашлось место. Каждый решил забрать с собой родных, опасаясь оставлять их, беззащитных перед ведьмой Карагарой. Переполненная карета, запряженная тройкой лучших королевских лошадей, покатила по пыльной дороге в направлении соседней страны.

А во дворце королева Листопадия и ее дочь Дождинка отправились в обеденный зал, где их ждал стол с королевским завтраком. И хотя блюда источали аппетитные ароматы, есть им совсем не хотелось. Дождинка все же начала что-то жевать, а Листопадия лишь поковыряла изящной серебряной вилкой нежное белое мясо рыбы, политое сливочным соусом. В другое время этот кусок она съела бы с большим удовольствием. Рыбу королева очень любила, но теперь не могла даже притронуться к еде. Все ее мысли были заняты случившимся несчастьем. Если бы только Листопадия могла знать, что самые страшные несчастья еще впереди! Королева с тоской посмотрела в окно: на небе сгустились свинцовые осенние тучи.

В это время в глубине горного подземелья вовсю кипела работа. Множество гномов копошилось вдоль берега Золотого ручья, сгорбившись над водой. Ноги их были закованы в золотые кандалы, а цепи от этих кандалов были вмурованы в каменные стены подземелья. И хотя дневной свет не проникал в эти места, вокруг было светло, как днем, – это сияло золото. Не простое было это золото. Колдовское! Весь ручей светился от того, что вода его была полна золотых песчинок. Гномы намывали эти песчинки с такой скоростью, что ведра наполнялись одно за другим. Но больше всего золотого песка было в хранилище: оттуда разливалось такое мощное сияние, будто всходило солнце. Иногда гномы украдкой поглядывали туда, наблюдая за ведьмой, а ведьма наблюдала за ними. Она уже испробовала на своих пленниках золотые хлысты, когда пленники не хотели работать и двигались, как ей казалось, медленнее, чем сонные мухи. После того как каждый из гномов получил по несколько хлестких ударов, работа прямо закипела! Карагара была очень довольна: теперь у нее было вдоволь золота! Теперь она могла не бояться, что оно когда-нибудь закончится. Но ведьма боялась другого. Беспокойство терзало ее. Она понимала, что рано или поздно за ней придут: наверняка сбегавшие водогоры, которых она не успела сковать золотыми цепями, уже разрезвонили о ней на всю округу, подняли тревогу на всю Осению! И, возможно, сейчас во дворце уже разрабатывают план, как ее, Карагару, уничтожить. Наверное, королева пришлет в подземелье свое войско. Для этого ведьма уже нарядилась в золотые доспехи, которые спасут ее от ружей, но сможет ли она справиться с целым войском? Что, если у нее все-таки не хватит магических сил? Вдруг солдат будет слишком много? Вдруг они схватят ее? Ведь она пока что не всемогуща... пока что. Карагара наморщила лоб, усиленно думая. Надо найти способ дать им отпор! И у нее уже было на уме кое-что – кое-что такое, что не только сможет защитить ее от вероломного вторжения королевских солдат, но даже позволит выйти из подземелья и напасть на них самой! Если все получится, Карагара скоро будет сидеть на королевском троне, на голове у нее будет сверкать королевская корона, а сама королева... как там ее... Листопадия и ее писклявая дочурка будут прислуживать ей до конца дней своих! И от этих мыслей ведьме стало так радостно, что она разразилась оглушительным хохотом, и жуткое каркающее эхо наполнило все подземелье. Гномы

повернули бледные испуганные лица в сторону золотого хранилища, недоумевая, отчего это так развеселилась их мучительница.

4. Леденюха в ярости

Под покровом ночи ведьма Леденюха быстро и незаметно перемещалась по деревне, оставляя за собой мертвый ледяной след. Один дом, второй, третий... Легко и просто получить то, что нужно, когда все спят. Тихо вошла, тихо вышла, а в избе остались холод да ледяные статуи. С каждым пройденным домом сила наполняла ее: седые редкие волосы превращались в густые русые локоны, сгорбленное тело выпрямлялось и становилось стройнее, морщины на лице разглаживались, щеки наливались упругостью и румянцем. Вскоре вместо безобразной старухи по деревне бодро шагала молодая красивая девушка. То ли еще будет – скоро на голове ее засверкает корона! Весь мир склонится к ее ногам, а живого тепла у нее будет столько, что в старуху она не превратится больше никогда! Довольная Леденюха шла грациозной летящей походкой и мечтала, что будет править и жить вечно.

Обойдя не меньше половины деревни, Леденюха решила, что для начала хватит. Жаль, что ей не попала под руку эта вечно досаждающая противная девчонка Живинка, помощница Деда Мороза. Но искать сейчас она ее не станет, оставит ее на десерт: времени мало. Ночь не бесконечна, а у нее еще масса срочных дел. Вот только за какое взяться в первую очередь? Тут ведьма немного растерялась. Отправиться в город и сразиться с Дедом Морозом, согнать с трона засидевшегося старика? Или все же сначала переместиться в Явь-мир? Где-то там живет мальчишка, доставивший ей столько неприятностей! Ярость вскипела внутри, несмотря на вырывавшееся изо рта холодное дыхание. Леденюха притронулась к лицу, вспомнив, как вместо теплого лучика наглец выплюнул ей в лицо огненную струю. Что это было? Какое-то колдовство? Пусть даже так, но только в Явь-мире он не сможет воспользоваться этой способностью. Мальчишка не волшебник. Просто в Неявь-мире нахватался, научился всяким фокусам, вот и застал ее врасплох, а там он будет целиком в ее власти. Бедный дурачок, он даже увидеть ее не сможет! Так и умрет, ничего не поняв! Ведь Леденюха будет там невидима и неосязаема!

Желание отомстить, причём поскорее, было таким сильным, что ведьма решила немедленно отправляться на Острый Пик и встать на луч, посылаемый с небес на землю Великим Благоеем. Кто бы мог подумать, что старый волшебник стал звездой! Ишь ты, высоко забрался! Но теперь Леденюха знает его секрет. Чтобы попасть в Явь-мир, нужно встать на звездный луч и представить себе место, где хочешь оказаться, а это проще простого. Очень скоро она заглянет в бесстыжие глаза наглого мальчишки, а потом займется и его родителями! Затем заглянет в гости к соседям, и не к одним! В общем, в Неявь-Мир Леденюха вернется сильной и могущественной, как никогда прежде, и расправится с Дедом Морозом в два счета! Правда, она еще не выбрала, что лучше – уничтожить его или заставить служить. Представив, как она превратит старика в медведя, посадит на цепь и заставит плясать вприсядку под музыку, ведьма прыснула со смеху. А что, это было бы забавно! Но сейчас есть дела поважнее.

Леденюха обернулась белой вороной и, взлетев в ночное небо, направилась к Острому Пикку. Нужно было спешить, пока ночь не кончилась и звезды еще светят. Пролетая над снежной стеной, окружающей деревню, ведьма по привычке вздрогнула, услышав, как грянул хор поющих снеговиков, почувствовавших опасность, но, сообразив, что по тревоге примчаться некому, хрипло каркнула им в ответ: «Войте, войте сколько угодно! Спойте свои последние песенки, так и быть! Вот вернусь – разберу вас всех на снежинки! Разнесу в пух и прах!» и устремилась вперед. От каждого взмаха крыльев ведьма получала удовольствие, ощущая себя сильной как никогда. Яркая звезда была отчетливо видна, сияя над Острым Пиком. Ее свет серебристой дорожкой лился на склон горы – вот он, путь в Явь-мир, так близко! Очень скоро она будет там, и мечта ее, уже начавшая осуществляться, наконец-то осуществится полностью.

Но все-таки Леденюха порядком устала, когда добралась до нужного места: два часа беспрерывно махать крыльями оказалось непросто. Высившийся, казалось, прямо перед ней Острый Пик приближался очень медленно. Изрядно вымотавшись, птица села на склоне горы в том месте, где на белом снегу светилась дорожка от самой яркой звезды на небе. Нужно было отдышаться, прежде чем отправиться дальше. Передохнув немного, Леденюха приняла человеческий облик и подняла молодое румяное лицо к сияющей звезде, готовясь к долгожданному перемещению. Она произнесла с улыбкой: «Вот, Великий Благовей, как бы хорошо ты ни спрятался, а все же я тебя нашла! И, хочешь ты этого или нет, а я отправляюсь в Явь-мир!» Ведьма не обладала даром слышать и понимать голос звезд, да к тому же ей было абсолютно безразлично, что мог ответить Великий Благовей: она знала его секрет. Леденюха зажмурилась и представила себе параллельный мир, лишенный волшебства и магии. Когда-то давным-давно она уже бывала там. До чего хорошие это были времена! Источник магической силы был неиссякаем. Она пила и пила живительное тепло из людей, которые даже не успевали понять, что с ними происходит, когда падали на землю ледяными столбами, таяли, превращаясь в лужи, и испарялись на солнце. А ведьма наполнялась магической силой. Леденюхе совсем немного оставалось до того, чтобы поработить оба мира. Она отчаянно сражалась с другими претендентами на Главный Трон и должна была одержать победу, если бы ее так грубо не остановили: однажды Великий Благовей вмешался и выбросил ее оттуда вместе с другими черными колдунами и колдуньями, и вместо того, чтобы стать единоличной владычицей двух миров, Леденюхе пришлось искать укрытие в дремучем лесу Снеговении под корнями старого кедра. Тяжелое настало время. Приходилось украдкой выбираться из норы, чтобы найти какое-нибудь, зачистую скудное, пропитание: птичку или зайчика, которыми невозможно было утолить ее лютый голод, усилившийся с каждым днем. Силы почти оставили ее. Потому мальчишка и расправился с ней так легко. Много лет ждала она своего часа, и, наконец, он настал. Вот он, звездный час Леденюхи!

Ведьма открыла глаза, надеясь увидеть себя парящей в воздухе на звездной дорожке по направлению к своей мечте, и взвизгнула от злости: она по-прежнему стояла по колено в снегу, а сияние звезды исчезло, как и сама звезда. Вокруг было черным-черно от того, что ночное небо затянуло плотными тучами. Леденюха в ярости затрясла кулаками в воздухе, будто хотела побить недостижимых обидчиков, но до туч ей было не добраться. И хотя магические силы ее хорошо пополнились после того, как ведьма превратила в ледяные глыбы половину деревенских жителей, она все же не могла расчистить небо над собой – такая магия была ей неподвластна. Тучи надежно скрыли Великого Благовей, Повелителя Времени и Пространства. Выкрикивая проклятия, Леденюха сорвала голос. Топая в бешенстве по острым камням, торчавшим из-под снега, она изодрала в кровь кожу на ступнях, но не замечала этого и не чувствовала боли. Выходило, что все же ей придется убраться восвояси несолоно хлебавши. Это был полный провал! Такого она никак не ожидала. Проклятый хитрец Благовей провел ее в очередной раз, отняв надежду на великое будущее. Ведьма бесновалась и негодовала до тех пор, пока совсем не устала. «Ну ничего, я обязательно что-нибудь придумаю! Не вечно же будут тучи на небе! И Дед Мороз вскоре должен отправиться в Явь-мир с подарочками! Откроет Благовей коридор, никуда не денется!» – размышляла Леденюха.

Обернувшись вороной и взлетев в черное ночное небо, она направилась напрямик во дворец Деда Мороза, продумывая на ходу план дальнейших действий. Впереди, во тьме сияли разноцветными огоньками высокие городские башенки, указывая ей путь. Леденюха решила, что теперь ей нельзя уничтожить старика или превращать в медведя для своих развлечений, ведь ему придется стать ее проводником в Явь-мир. Ведьма решила, что легко поместится в мешке с подарками, приняв облик белой вороны. Вот так подарочек привезет детишкам Дед Мороз в новогодний праздник! Она хрипло закаркала, смеясь. Нужно только сообразить, как заставить старика сделать это – взять ее с собой. Конечно же, добровольно он ни за что не согла-

сится, но можно придумать для него какую-нибудь пытку: отрывать пальцы по одному, например. Хотя нет, это не поможет. Он скорее умрет, чем согласится пронести ведьму на запретную для нее территорию! А что, если поймать Живинку, привести во дворец и превратить в лед его лучшую ученицу и помощницу, а затем сделать вид, что собирается раскрошить ее на мелкие кусочки (можно даже для убедительности и вправду раскрошить ей одну руку... или ногу). Дед Мороз добрый, пожалеет девчонку и выполнит все, что нужно. Точно, именно так она и поступит! Воодушевившись новой идеей, ведьма полетела быстрее, спеша взяться за его выполнение. Для начала ей нужно было созвать своих верных слуг – белых волков, которые приволакут Живинку во дворец Деда Мороза: не самой же ей тащить такую тяжесть, в самом деле! Для этого ворона приземлилась на опушке леса, знакомого ей до мелочей, и издала известный волкам условный крик, надеясь, что они должны быть где-то поблизости. Но волки почему-то не спешили явиться. Зато в черном, плотно обложенном тучами небе вдруг появился свет. Ведьма удивленно поискала глазами его источник и ахнула: звезда Великий Благоев выглянула в разрыве между тучами и протянула свой серебристый луч от Острого Пика в направлении дворца Деда Мороза. «Что происходит?! – Вспыхнувшая в мозгу ведьмы догадка вновь ввергла её в бешенство. – Ну, конечно, так я и знала!» – злобно взвизгнула она, увидев, что в звездном сиянии появились очертания знакомых саней, запряженных тремя оленями с раскидистыми ветвистыми рогами, и стоящего в них старика с длинной седой бородой, развевающейся на ветру. Олени пронеслись по небу прямо над ней с огромной скоростью и стали быстро удаляться. «Опоздала! – мелькнула мысль в голове Леденюхи, и она, приняв человеческий облик, затопала ногами в бессильной ярости. – Опоздала! Опоздала! Так вот, значит, как! Деда Мороза в Явь-мир пропустил, а от меня в тучах скрылся, ненавистный Благоев! – бесновалась она, потрясая кулаками в воздухе. – Жаль, пока не добраться мне до тебя! Но я все равно что-нибудь придумаю! Обязательно придумаю! И тогда все вы у меня попляшете! И ты, и Дед Мороз, и Ваня распроклятый – всем достанется!» Она яростно топала ногами, сминая снег, словно хотела выместить на нем всю свою злобу, и вдруг услышала жалобный испуганный визг. Опустив взгляд с небес на землю, Леденюха с удивлением увидела вокруг себя волчью стаю. Белые волки давно уже явились на зов своей госпожи и дрожали в ожидании, когда же она их заметит. Топая от бешенства, ведьма нечаянно наступила на лапу одному из них, отчего тот заскулил, отползая в сторону. Все остальные в страхе поджали хвосты, глядя на воскресшую хозяйку. Леденюха поискала среди них главаря – верного Злобонрава, самого умного и преданного своего слугу, который был не просто волком, а оборотнем. Когда нужно, Злобонрав принимал человеческий облик, чтобы побеседовать со своей госпожой и получить от нее приказ, а еще он мог превратиться в незаметную маленькую мышку. Именно так, в мышьином обличье, Злобонрав однажды сумел проследить за детьми, чтобы вывести путь к Великому Благоеву, и заодно узнал главный секрет: как проникнуть в Явь-мир. Правда, Злобонрав не смог защитить ее, Леденюху, от мальчишки и сбежал, подлец! Струсил, испугавшись, как бы и ему шкуру не подпалили! Ну, за это она Злобонрава, конечно, накажет – так накажет, что он надолго запомнит! А после наказания поручит ему новое важное дело: пора устроить в Снеговении переворот! Пока старичок отсутствует, нужно срочно занять пустующий трон и подготовить деду сюрприз, чтобы, когда он вернется обратно, сразу попал в приготовленную для него ловушку! Злобонрав ей в этом поможет, но сейчас непременно нужно наказать его, чтобы знал, как предавать свою хозяйку.

– Встань передо мной, предатель Злобонрав! – распорядилась Леденюха, указывая на трясущегося в страхе волка, и ее гладкое молодое лицо побелело от ярости: румянец поблек, а губы посинели в приступе неистовой злобы.

5. Малышастик и Крохотуля

Малышастик и Крохотуля шли, держась за руки. Крохотуля рыдала во весь голос. За плечами у детей висели огромные корзины, полные отборных крепких грибов. Дети шагали уже полдня, но никак не могли выйти из Мрачного Леса. Темный сосновый бор не только не редел, но и, наоборот, сгущался все сильнее, словно деревья подступали ближе друг к другу, отчего с каждым шагом становилось все темнее и страшнее. Ветки цеплялись за их одежду, будто пытаясь схватить. Иной раз под ногами с оглушительным треском ломался сухой сучок, и тогда оба вздрагивали и начинали испуганно озираться по сторонам. Им казалось, что кто-то следует за ними по пятам, прячась за толстыми стволами, и сверлит недобрым взглядом их спины.

Пытаясь подбодрить скорее себя, чем сестру, Малышастик громко сказал:

– Папа говорит, что в Мрачном Лесу нечего бояться! Злодей Мохомор давно сгинул, это было еще триста шестьдесят пять лет назад! С тех пор никто в этом лесу больше не пропадал.

Крохотуля возразила, всхлипывая:

– Да-а?! А во-о-лки-и? Во-олки тут во-о-одятся?!

Малышастик испуганно оглянулся и ответил, храбрясь:

– Думаю, вряд ли. Не слышал о волках.

– Конечно, во-одятся! – горестно провыла сестра.

– А чего тогда спрашиваешь? – рассердился Малышастик.

– А чего ты вре-е-ошь? – огрызнулась Крохотуля. – Это из-за тебя мы заблуди-и-ились!

– Ничего не из-за меня! – сердито ответил мальчик, теряя терпение.

– Нет, из-за тебя! Я говори-ила, говори-ила, а ты не слу-ушал! – Крохотуля прибавила громкости.

– На твой рев скоро все волки сбегутся! – воскликнул Малышастик, и девочка сразу испуганно замолчала, прижав ладошку ко рту, отчего брат тут же почувствовал угрызения совести. Сестра была моложе его на три года, и с тех пор, как она появилась в их семье, Малышастик считал своим долгом оберегать ее от всех опасностей. Правда, обычно ей никаких опасностей не угрожало – до сегодняшнего дня. Глупо, конечно, было с его стороны так углубиться в лес. Ведь предупреждала же его мама, чтобы не заходил далеко! Это все из-за грибов. Они так увлеклись, что шли, не оглядываясь назад. А когда корзины наполнились, оказалось, что выход из леса неизвестно где. Просто жуть, что за лес в Краснолети! То ли дело у них на родине, в Осении! Таких густых и больших лесов нет, одни перелески да редкие светлые рощицы, все больше не хвойные, а лиственные. Ни за что не заблудишься. Зато там такие грибы не растут! Есть, конечно, но не такие. Вот поэтому Малышастик и увлекся.

Вместе с родителями и сестрой он приехал в Краснолетию, потому что его отец, гном из племени водогоров по имени Крохотун, привез королю Солнцецеку важное письмо от королевы Листопадии. Недавно мальчик подслушал его разговор с матерью, из которого понял, что в Осении случилось что-то ужасное: какая-то ведьма воскресла в подземелье и взяла в плен многих водогоров. Теперь королева Листопадия хочет призвать на помощь Солнцецеку с его армией, чтобы вместе попытаться победить ее. Но Малышастик не был уверен, правильно ли он все понял.

Пока отец отсутствовал, ожидая встречи с королем во дворце, они вместе с мамой Лилипуйей отправились в лес, чтобы насобирать грибов. И вот теперь Малышастик и Крохотуля заблудились, а мама их, наверное, бродит где-то в этом же огромном лесу, разыскивая своих детей, и, возможно, уже охрипла, выкрикивая их имена! Ну как же его так угораздило?!

– Я уста-ала-а, – ныла Крохотуля. – Не могу-у больше-е!

– Ну ладно, давай присядем где-нибудь, отдохнем, – предложил Малышастик и огляделся. Ему приглянулась небольшая полянка, окруженная соснами и кедрами. Там дети и расположились. Сняли тяжелые корзины, уселись на мягкую хвою и вытянули уставшие ноги.

– Скоро стемне-е-ет! – тихонько проскулила сестра и потеряла грязными кулаками опухшие от слез глаза.

– Надо было сразу сесть и сидеть на одном месте, – пробормотал Малышастик, холодея от мысли, что им придется ночевать в лесу. – Мама тогда давно бы уже нас нашла.

– Хочу к ма-аме-е! – ревела Крохотуля.

– Я тоже хочу! – огрызнулся мальчик. – Давай ждать. Скоро она сама нас найдет, вот увидишь! А для этого сиди тихо. Вдруг она зовет нас издалека, а из-за твоих рыданий мы ее не услышим?

Крохотуля перестала всхлипывать и прислушалась. Вокруг них царила гнетущая тишина.

Некоторое время дети сидели молча, надеясь и в самом деле услышать голос матери, зовущий их. Но время шло, сумрак сгущался. Приближалась ночь. И вот Крохотуля снова начала всхлипывать. Каждый всхлип был громче предыдущего. Но вместо того, чтобы успокоить ее, Малышастик, к своему стыду, начал вторить ей, зашмыгав носом. Девочка, услышав, что брат тоже вот-вот начнет лить слезы, заревела в голос. Вскоре тот действительно заплакал вместе с ней, и они, прижавшись друг к другу, хором ревели в темноте, пока не уснули от усталости.

Когда Малышастик проснулся, ночной мрак уже слегка разбавили лучи утреннего солнца, робко проникавшие сквозь плотный хвойный полог. И хотя нельзя было сказать, что стало светло, но все же это была уже не ночь. Ему стало стыдно за свое малодушие, за то, что не сумел справиться с обуявшим его страхом и, разревевшись, еще больше напугал бедную маленькую сестренку. Крохотуля безмятежно спала, положив голову ему на плечо. Малышастик не хотел шевелиться, чтобы не разбудить ее, отчасти еще и потому, что она могла снова начать реветь. И откуда у девчонок столько слез?! Вдруг мальчик вздрогнул от того, что по его ноге, в том месте, где у щиколотки задрался край брючины, пробежала букашка. Он дернул ногой, стряхивая ее с себя, и проследил за ней взглядом. Каково же было его удивление, когда он увидел, что коричневый хвойный ковер рядом с ними покрылся яркими желто-зелеными пятнышками мха! Самое интересное заключалось в том, что мох рос только возле них, окружая, точно ожерелье. Такого же яркого больше нигде не было видно. Повсюду в изобилии рос мох другого, темного сине-зеленого цвета. Это выглядело странно.

Черная букашка, свалившаяся с ноги Малышастика, бодро ползала по одному из желто-зеленых островков, выделяясь на его фоне. «Что за мох вырос тут всего за одну ночь?» – удивленно подумал Малышастик. Сестра заворочалась, открыла глаза и испуганно вытаращилась.

– Где мы?! Что случилось?! – Она, бедная, еще не успела вспомнить, что они заблудились в лесу.

– Мама скоро придет, – пытаюсь подбодрить её, ответил мальчик, но она все-таки заревела.

– А-а-а! Хочу домой! К маме и папе! Мы тут с голоду умре-е-ем, в этом лесу-у-у...

– Не умрем, у нас две корзины с грибами, – пробурчал Малышастик, зная, что она его совсем не слушает. Крохотуля плакала всё громче.

– Смотри, какая смешная букашка! – Он попытался отвлечь сестру и, отыскав взглядом насекомое, ползающее по мху странного цвета, удивленно ойкнул. – Ничего себе! – Ему показалось, что оно увеличилось в размерах, по меньшей мере, втрое.

Крохотуля протерла глаза и уставилась на букашку.

– Больша-ая! – протянула она удивленно. – Я таких больших никогда еще не видела!

Малышастик не сводил глаз с насекомого. Он готов был поклясться чем угодно, что оно росло с каждой минутой! Но этого же просто не может быть! Разве могут насекомые так быстро расти?! Так расти могут только водогоры под дождем! Однако как же этот странный желто-

зеленый мох нравится букашке! Она только по нему и ползает. Стоп! Да она же его ест! Мальчику показалось, что бугорок мха с одного бока уменьшился и стал похож на надкусанное яблоко. Он нагнулся и присмотрелся повнимательнее. То, что он разглядел, повергло его в шок: перед ним была никакая не букашка, не таракашка, не гусеница, не жучок! Это был маленький человечек – настоящий, с руками, ногами и седой бородой! Тот сверкнул на Малышастика злыми глазами и сунул в рот слишком большой для него кусок мха. Щеки человечка раздулись и заходили ходуном от старательного пережевывания, а когда мох был проглочен, крошечный старичок подрос еще немного.

– Это человечек! – запищала Крохотуля, засмеялась и захлопала в ладоши. – Ой-ей-ей, какой он забавный! Это, наверное, лесной эльф! Он совсем малюсенький! Только эльфы бывают такие махонькие!

Разглядывая диковинное существо, она на время забыла о своей беде и радовалась ему, как новой игрушке. А вот Малышастика этот человечек такой радости не доставлял – скорее, вызывал тревогу. Смутное беспокойство терзало мальчика, и он никак не мог понять, почему. Может быть, ему просто не нравился этот недобрый, отталкивающий взгляд? С виду старичок казался безобидным. Он все еще был такого маленького размера, что, наступи Малышастик на него ногой, вмиг бы раздавил. Но ведь старичок продолжал увеличиваться! И до каких пор он собирался еще расти? А тот все продолжал заталкивать куски ярко-зеленого растения себе в рот, и вскоре от бугорка мха ничего не осталось. Тогда старичок перебрался на другой бугорок, и к тому моменту он уже так подрос, что размером был с Малышастикову ладошку.

– Э-э-э, а можно спросить, кто вы такой? – Мальчик попытался заговорить с человечком. Тот оглянулся, злобно сверкнул глазами и ответил с набитым ртом:

– Скоро узнаешь! – Получилось «фково увнаеф», но Малышастик понял. «Грубиян какой!» – подумал он, а Крохотуля захихикала:

– Ой-ей-ей! Он еще и разговаривает! Я хочу с ним поиграть!

– Скоро поиграешь! – ответил старичок, но у него получилось «фково поигфаефф».

Малышастика почему-то захотелось уйти подальше от этого места и странного, постоянно растущего старика. Он поднялся и протянул руку сестре:

– Пойдем!

– Нет! Такой смешной человечек! – запротестовала Крохотуля. – Хочу с ним поиграть!

– А я говорю, пойдем! – Он потянул ее за руку. – Нам надо найти маму!

Крохотуля наконец-то вспомнила, что они заблудились в лесу, затем вспомнила, что уже давно хочет есть, и нижняя губа у нее оттопырилась, а глаза наполнились слезами.

– А ну, не начинай! – крикнул Малышастик, увидев, что Крохотуля вот-вот разрыдается. – Пойдем скорее!

Но он не успел сделать и нескольких шагов: что-то очень жесткое и колючее вцепилось ему в ногу и сильно сдавило. Малышастик посмотрел вниз и с ужасом увидел, как веревка из сплетенных ветвей обвивается вокруг его ноги, словно змея. Вдруг кто-то словно дернул за эту веревку, и этот кто-то явно обладал огромной силой, потому что мальчик упал лицом вниз и почувствовал, что его куда-то тащат по земле. Рядом истерично завизжала Крохотуля. Она тоже упала и перемещалась вместе с ним обратно к тому месту, откуда они только что ушли. Невидимая сила подтянула их обоих к тому дереву, у которого они ночевали, и Малышастик увидел, как другой конец древесной веревки завязывается в тугой узел, обмотавшись вокруг ствола. «Нас привязали!» – с ужасом подумал он и увидел того самого сторбленного старика, смеющегося ему в лицо. Как же старик вырос! Теперь он, пожалуй, был даже выше Малышастика!

– Теперь можно и познакомиться. Слыхали про Мохомора? – злобно прохрипел незнакомец и потер руки с черными ногтями, под которые забились земля и кусочки зеленого мха.

– Как?! – потрясенно вскрикнул Малышастик, не веря своим ушам. – Ты – Мохомор?! Но ты же сгинул! Я слышал легенду! Ты взорвался! Ты исчез!

– Это ты скоро исчезнешь, если будешь болтать всякие глупости, – ответил злобный гном. – Теперь твое главное дело – лить слезы, да побольше! Вон, сестренка твоя столько наревела, что меня, старика, воскресила! Умница просто!

Крохотуля и вправду рыдала, не переставая.

– Эй, отпусти нас, злой старик! Не то мои родители придут за нами, и, когда они увидят, что ты держишь нас в плену, тебе не поздоровится, так и знай! – крикнул Малышастик, пытаясь придать голосу воинственный тон.

Но старик не только не испугался, а, наоборот, развеселился:

– Родители, говоришь? Что ж, пусть приходят, да поскорее! Мне срочно нужны новые «плакуны» для восстановления утраченной магической силы. Она мне понадобится, чтобы отомстить одному мерзкому мальчишке, который обманом накормил меня какой-то дрянью! Он меня отравил! Ну, ничего, я доберусь до него! Я смешаю его с землей! Превращу в лягушку! – Теперь Мохомор уже пылал от гнева, потрясая грязными кулаками. – Вот он у меня поплачет! Самые жуткие кошмары приготовлю для него!

Малышастик стало страшно. Он понял, какая участь уготована им с сестрой, и горькие соленые слезы покатались по его щекам. Горячие капли падали на землю одна за другой, и в том месте, где они впитались в почву, появлялись желто-зеленые крапинки, разрастающиеся и сливающиеся между собой, образуя новые холмики колдовского мха.

Мохомор смотрел на ревущих детей и радовался. Правда, детишки были совсем крошечные, особенно девчонка – размером с зайца. Мальчишка чуть побольше. Дети гномов, что с них возьмешь! Но и этому Мохомор был несказанно рад. Ну наконец-то, наконец-то он снова вернулся к жизни! Прошло ни много, ни мало, а целых триста шестьдесят пять лет, долгих и тоскливых! И вот случайно слезинка маленькой девочки упала на землю как раз в том месте, где все эти годы лежала крошечная невидимая частичка, оставшаяся от гнома Мохомора! Какая же это была для него удача! Зеленый – «горестный», как он сам его называл, – мох вырос снова, дал ему жизнь и вернул магическую силу. В прошлой жизни гному не хватило совсем немного времени для того, чтобы поработить весь мир. В этот раз он своего шанса точно не упустит!

6. Чудовища Мрачного Леса

Крохотун долго не мог понять, что хочет сказать ему его жена Лилипуйя, ворвавшаяся в зал совещаний во дворце короля Солнцецека прямо во время важнейшей и секретнейшей беседы. Король как раз начал читать письмо Листопадии, когда она с треском распахнула входные двери и нарушила тишину зала воплями и рыданиями. Ее не сумели остановить ни охрана у ворот, ни дворецкий, который вошел следом за ней и теперь растерянно пожимал плечами и разводил руками, пытаясь дать понять, что он ни в чем не виноват. А Лилипуйя – растрепанная, с красным и опухшим от слез лицом, в грязной и рваной одежде – кричала и размахивала руками перед лицом Крохотуна, не обращая никакого внимания на короля Солнцецека, застывшего на полуслове с открытым ртом и удивленно разглядывавшего ее.

– Дети! Наши дети! Я искала их всю ночь! Ужас! Что делать? Пропали, бедняжки, пропали! Где еще искать?! Я все обошла! Дети! Наши дети! Бедные дети! – В истерике женщина повторяла одно и то же в тысячный раз, ничего больше не объясняя и никого не слушая.

Крохотун побледнел, поняв главное: с их детьми случилось что-то плохое. Но, сколько он ни пытался выпросить у жены подробности, та, как заведенная, выкрикивала одни и те же слова. Наконец, в однообразии ее выражений появилось новое: «Мрачный Лес». И тогда до гнома дошло, что дети заблудились в лесу, куда отправились вместе с матерью накануне днем. Сам Крохотун вместе с другими водогорами ждали аудиенции с королем Краснолетии Солнцецеком, который был занят другими важными делами. Ведь он же король, и дел у него, видимо, хватало. Поэтому водогоры в томительном ожидании расположились в гостевом зале, а их жены и дети, не желая сидеть во дворце в солнечный денек, отправились прогуляться по Краснолетии. Кому-то захотелось побывать на ягодных полянах и во фруктовых садах, кто-то отправился на рынок за сувенирами, а Лилипуйя с детьми ушли в лес по грибы. И зачем только их туда понесло?!

Весь день и всю ночь гномы провели в ожидании встречи с королем, и лишь утром их пригласили в зал совещаний. Теперь же, когда важная беседа была в самом разгаре, Лилипуйя бесповоротно прервала ее. Гном понял, что продолжить разговор с королем сегодня уже не удастся. Нужно было немедленно отправляться на поиски детей. Малышастик и Крохотуля были для Крохотуна важнее всего на свете. Он начал извиняться перед Солнцецеком, но тот не рассердился, а, наоборот, даже предложил помощь.

– Думаю, они просто заблудились и заночевали в лесу. С тех пор как злой колдун Мохомор лопнул и превратился в пыль благодаря диковинному оранжевому мху, обнаруженному мальчиком из другого мира, в Мрачном Лесу никто больше не пропадал без вести. – Король Солнцецек попытался успокоить взволнованных родителей. – Я отправлю с вами своих солдат. Вместе вы быстро отыщете их, прочесав лес насквозь! А беседу продолжим сразу, как только дети найдутся.

Крохотун виновато откланялся, бормоча слова благодарности, и, пятясь, вышел из зала совещаний, увлекая за собой рыдающую жену. Остальные водогоры вызвались помочь в поисках и дружно отправились за ними. Слух о потерявшихся детях молниеносно пронесся среди придворных и слуг, и вскоре все семьи водогоров собрались у входа во дворец, желая тоже принять участие в поисках. По распоряжению короля Солнцецека появилось человек двадцать королевских солдат. И вот вся эта разнородная толпа выдвинулась по направлению к Мрачному Лесу. Король Солнцецек смотрел им вслед, стоя у окна с хмурым выражением лица. Все это ему очень не нравилось. Появилось нехорошее предчувствие. Проснулись долго дремавшие воспоминания о мучительных годах плена у злого колдуна Мохомора. Много слез было пролито в те страшные годы в Мрачном Лесу. Много людей могло погибнуть, спаслись лишь чудом. Сколько же лет прошло с тех пор? Король принялся подсчитывать – вышло триста

шестьдесят пять. Да, давно было дело! Он содрогнулся от воспоминаний о жутких кошмарах, привидевшихся ему в том гнетущем месте. Вспомнил, как надежда на спасение оставила его тогда. Что, если старый злой колдун каким-то образом воскрес? Возможно ли это? Ведь столько лет о нем ничего не было слышно. Солнцешек попытался прогнать тяжелые мысли, но они медленно и неумолимо продолжали лезть в голову, надвигаясь подобно грозовым тучам на ясный небосклон.

А в это самое время в Мрачном Лесу, густом, темном и никогда не видевшем солнечного света, злой колдун Мохомор стоял у того места, где триста шестьдесят пять лет назад были его хижина и сарай. Лицо его исказилось от ярости. От построек остались лишь несколько бревен, валявшихся на земле. Все запасы сушеного мха и серого порошка исчезли. Неподалеку на поляне чернело старое пепелище, и гном подозревал, что именно там и были сожжены его запасы, тщательно собранные, высушенные и перетертые им в серую пыль. От его колдовского порошка-«дурмана» ничего не осталось, а он был ему сейчас так нужен! Мохомор хотел поскорее поймать новых «плакунов» и вырастить побольше мха для восстановления магических сил: ведь детишки гномов не могли наплакать много слез, потому что сами были крошечного размера, и слезы их были такие же крошечные. На таких скудных слезах вырастало совсем мало мха, не хватит даже ему на пропитание. А ведь нужно было не только порошок для «плакунов» сделать, а еще и отложить на прокорм для выращивания новых помощников. Раньше у Мохомора было два отличных помощника, которые приносили ему жертв, охотясь на них в окрестностях вокруг Мрачного Леса. Один ловил путешественников на болотах, другой хватал фермеров на полях. Они выручали гнома, когда люди перестали ходить через Мрачный Лес. Замечательные были у него помощники! А появились они потому, что однажды Мохомор попробовал забавы ради откормить земляную жабу своим чудесным «горестным» мхом и увидел, что та увеличилась в размерах. Гном продолжил откармливать ее и с удивлением наблюдал, как небольшое существо превращается в огромное чудовище с толстой неуязвимой броней вместо гладкой лягушачьей кожи и бездонной пастью-ловушкой вместо жабьего рта. Мохомор назвал свое детище Жабобрюхом и, наложив заклинание, отправил его охотиться на болота. Долгое время монстр снабжал гнома новыми «плакунами», получая взамен порцию свежего «горестного» мха, и оба были довольны. Однажды один из пленников-«плакунов» решил съесть «горестный» мох, чтобы получить силу гнома, но вместо этого превратился в лягушку. Глупец, он не знал, что злая магия не для таких слабаков! За это Мохомор сделал из него нового Жабобрюха. Новый вышел еще громаднее предыдущего и тоже стал приносить гному пленников. Все шло хорошо. Силы колдуна умножались с каждым днем, и он начал уже помышлять о мировом господстве. Мохомор представлял, как сядет на трон в белокаменном дворце Краснолетию, и все жители ее (а со временем – и соседних стран тоже) превратятся в его «плакунов». Повсюду будет расти его «горестный» зеленый мох, а верные помощники, многочисленные жабобрюхи, будут следить за порядком, чтобы какие-нибудь «плакуны» случайно не взбунтовались. Мохомор мечтал о том, как будет править всем Неявь-миром и у него будет целая армия жабобрюхов. А Мрачный Лес разрастется так, что даже на городских улицах стеной встанут сосны и ели, укрывая собой город от ненавистного солнечного света. Но все его радужные планы однажды нагло нарушил какой-то мальчишка, подсунувший колдуну страшную отраву. Наверное, у того мальчишки были ядовитые слезы, поэтому и вырос на них отравленный мох. «Бывают же в лесу грибы съедобные и ядовитые. Так, наверное, и с людьми», – решил Мохомор. Впредь надо быть поосторожнее и не совать в рот подозрительные растения странного цвета. Что ж, сам виноват! Любопытство подвело. Но теперь, наученный горьким опытом, Мохомор больше не позволит так провести себя.

Колдун тяжело вздохнул, оглядывая разоренное жилище, с досадой толкнул ногой валявшееся поблизости бревно и уже собирался уйти, как вдруг хлопнул себя по лбу. Он вспомнил, что в хижине под полом был вырыт тайник на случай «голодных времен», и запасы суше-

ного мха и серого порошка в нем были немалые. Сделал его Мохомор так давно, что совсем о нем позабыл. Он стал торопливо разгребать сухую хвою в поисках крышки погребца и вскоре нашел ее. Старые доски слегка подгнили, но все еще были очень толстыми и крепкими. Расчистив проем, Мохомор откинул крышку и увидел лестницу, ведущую в черную зияющую тьму. Недолго думая, гном кубарем скатился по ней вниз. В темноте его зрение было не хуже, чем у летучей мыши. Увидев, что запасы находятся в целости и сохранности, не сгнили от сырости и готовы к употреблению, старый злодей довольно захихикал и потер худые морщинистые ладони. Очень скоро все это изобилие ему пригодится! Вдруг колдун насторожился. Ему показалось, что в лесу раздались человеческие голоса. И это были не детишки, пойманные им накануне, – больше было похоже на голоса взрослых. Гном прислушался. Точно, голоса раздавались отовсюду, и как же их было много! Со всех сторон неслось: «Ау!», и с каждым разом все громче, ближе. «Ага, вот и они, сами явились, так я и думал! Детишек пришли искать. Хе-хе-хе... Найти-то найдут, да только от меня не уйдут! Пора отправляться за добычей!» Мохомор прихватил мешок, наполненный дурманящим порошком, и быстро выбрался наружу. Замаскировав свой тайник, он, пригнувшись почти к самой земле и крадучись, как хищный зверь, отправился на охоту, обещавшую быть очень удачной.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Мохомор начал охотиться, а вот уже лес наполнился новыми «плакунами», которые рыдали, поливая слезами землю, и повсеместно начался бурный рост «горестного» мха, чему гном был несказанно рад. Он переходил от дерева к дереву, к стволам которых толстыми древесными веревками были надежно привязаны его пленники, и довольно потирал руки. «Раз, два, три, четыре... девять... семнадцать... двадцать восемь... тьфу, опять со счета сбился!» – Добычи было так много, что он уже в третий раз тщетно пытался их пересчитать. Скоро у него будет достаточно зеленого мха для того, чтобы приступить к выращиванию помощников. В этот раз двумя монстрами он не ограничится! Возьмется откармливать сразу пару десятков отборных жаб, никак не меньше.

Колдун принялся рвать ярко-зеленые пухлые холмики и наполнять ими мешок из-под серого порошка, только что полностью истраченного на «плакунов». Мохомор не экономил, горстями кидая им в глаза серую пыль, чтобы те, в свою очередь, щедро поливали слезами его угоды. И они поливали! Зеленый ковер расплзался по земле, радуя взор. Скоро, очень скоро в Краснолети, а потом и в целом Неявь-мире, установится новый порядок! И установит его он – великий и могущественный колдун Мохомор!

В тот день король Солнцецек не дождался возвращения своих солдат. Не вернулись и водогоры. «Может быть, они просто заночевали в лесу, не успев отыскать пропавших детей», – успокаивал себя король, но сам в глубине души в это не верил. Его опасения подтвердились, потому что никто не вернулся из Мрачного леса и на следующий день. Мрачный лес поглотил всех, как было много лет назад. Зло проснулось, ожило вновь, король почувствовал это, но все равно отправил туда еще двадцать лучших солдат из своего королевского войска. Прошло еще два дня, прежде чем Солнцецек понял, что и они назад не вернуться. Никто не вернется из Мрачного Леса. Никогда. Давний страх ожил в его душе и лег на сердце тяжелым бременем. Начинались суровые времена. Вот и у Листопадии в стране Осени случилось что-то плохое, раз она просила о помощи. А как он мог помочь ей, когда ему самому теперь требовалась помощь?! Только вот к кому обратиться за ней, король Солнцецек не знал.

Прошло всего несколько дней с момента воскрешения колдуна Мохомора, но старый злодей не терял времени даром. За такой короткий срок колдун успел выстроить себе новую хижину и огромный, в десять раз больше прежнего, сарай для своих питомцев, где быстро подрастали два десятка самых крупных лесных жаб. Он радостно наблюдал за ростом, не уста-

вая накладывать свежий зеленый мох в их вечно голодные, широко разинутые рты. Скоро они достигнут нужного размера и смогут выйти из леса на охоту. Они отправятся на фермерские поля и проезжие дороги, в деревни и в города, – его огромные прожорливые и непобедимые чудовища! И тогда настанет чудесное время – время правления Мохомора!

7. Заколдованное окно

Ваня открыл глаза. Он лежал в своей теплой уютной постели, укрытый легким пуховым одеялом. За окном было темно, хотя стрелки будильника под ночной лампой показывали шесть ноль-ноль. Утро – такое раннее, что его еще нельзя было отличить от ночи. Тридцать первое декабря. Сегодня вечером будут праздновать Новый год! Как же быстро пролетело время! Мальчик вспомнил, как ровно год назад с ним приключилась удивительная, совершенно неправдоподобная история. Станным образом Ваня очутился в волшебном мире, который его жители называли Неявь-мир. Слово «неявь» означало «ненастоящий», хотя все, что он там пережил, было очень даже настоящим. Настоящим был страх, испытанный при встрече с ведьмами, колдунами и чудовищами. Настоящей была радость, когда он чудесным образом одерживал над злодеями победу. Настоящим был Снежок – маленькая собачка с белой кудрявой шерстью, которую мальчик забрал с собой, в свой мир, называемый в волшебном мире Явь-миром. Вон он, спит себе у двери на коврик, лапками дергает – наверное, бежит куда-то во сне. Это был не просто щенок – он был вылеплен из снега одной девочкой из страны Снеговении по имени Живинка, обладающей даром оживлять снежные и ледяные фигуры и вдохнувшей жизнь в комочек снега, чтобы показать Ване, как действует ее дар, потому что Ваня никак не мог ей поверить. Еще бы! Он сам себе теперь не верил, что все это произошло с ним на самом деле. Иногда закрадывалась мысль: а не приснилось ли ему все это? Хотя... а Снежок? Ну, предположим, что Снежка принес Дед Мороз. Ведь невозможно было поверить в то, что он, Ваня, прошел через четыре страны Неявь-мира и по пути победил страшное чудовище, называемое Жабобрюхом, расправился со злым колдуном Мохомором, обитавшем в Мрачном Лесу, и со страшной ведьмой Карагарой, питающейся золотым песком в горном подземелье, которая держала пленников, заставляя добывать для нее богатство, а еще летал на огромной бабочке и на огнедышащем драконе и даже сам на какое-то время стал огнедышащим, чтобы сразить лютую ведьму Леденюху, питавшуюся теплом своих жертв и превращавшую их в лед. Ваня даже рассказать никому такое не мог – засмеяли бы! Или, чего доброго, сочли бы сумасшедшим. Все это случилось потому, что Ваня ранним утром ушел из дома, чтобы покататься на горке во дворе. Съехал с нее и приехал в Неявь-Мир! Оказалось, что в этот момент между двумя мирами открылся коридор для перемещения Деда Мороза, и Ваня попал прямиком в него. Правда, предсказатели Неявь-мира, Седобород и Огнебород, говорили, что Ваня был выбран Великим Благовеем не случайно. Как будто Великий Благовей, Повелитель Времени и Пространства, намеренно сделал так, чтобы Ваня очутился в Неявь-мире, считая, что тот способен избавить мир от злодеев. Но сам Ваня не очень-то в это верил. И хотя он действительно расправился со всеми злыми существами, все же считал себя самым обычным мальчиком, которому чудесным образом повезло.

Воспоминания стали такими яркими, словно все это случилось вчера. Ване было немного жаль, что больше он никогда не сможет вновь увидеть этот потрясающий, сказочный Неявь-мир. Ему захотелось ещё раз ощутить себя немного волшебником, чтобы понимать, о чем поют птицы, журчат ручьи и реки, шепчут звезды: там у Вани открылся особый дар. Живинка называла это Даром Толкователя Языков. В том мире все люди имели какой-нибудь волшебный дар. Живинка, например, могла вдохнуть жизнь в снег и лед. Благодаря ее трудам вокруг страны Снеговении была построена стена из поющих снеговиков. Но главным делом девочки было находить в лесу заледеневших зверей и птиц и возвращать им жизнь, отнятую ведьмой Леденюхой. Живинка отчаянно и бесстрашно боролась с ее злом. Однажды Ване пришлось столкнуться с ведьмой лицом к лицу. Мальчик вспомнил ее страшные глаза и содрогнулся. Вновь ощутил охвативший его страх, когда синие губы жадной колдуньи высасывали из него все живое. Почувствовал холод, сковавший его в один миг. Вспомнил, как выдохнул в лицо

колдунье огненную струю. Это был «огненный» перец, который они с Живинкой нашли у подножия Острого Пика, – тот самый перец, который сделал доброго и миролюбивого дракона огнедышащим. Ваня запасся перчинками перед встречей с ведьмой, хотя и не знал, поможет ли ему это. Но он не ошибся. Огненная струя превратила Леденюху в лужу, после чего все ее злодейские чары потеряли свою силу, а обращенные в лед люди, звери и птицы ожили. И тогда Ваня, наконец, смог вернуться в свой мир, так как выполнил то, что хотел от него Великий Благовей. Ваня прошел через четыре страны Неявь-мира в поисках этого таинственного Благовей, но не нашел его на земле, потому что Великий Благовей оказался звездой, большой и яркой.

Мальчик посмотрел сквозь окно на черное ночное небо. Много раз он пытался найти похожую звезду, но безуспешно. Мириады звезд мерцали крошечными искорками, но среди них не было такой же крупной, какую он искал. По сравнению с остальными звездами та звезда была, как прожектор, и сияла так сильно, что свет ее отражался на снегу звездной дорожкой.

Вдруг Ваня вздрогнул от неожиданности. Одна из звезд, видневшихся за окном, внезапно вспыхнула и увеличилась прямо у него на глазах. Сгорая от любопытства, мальчик выбрался из теплой постели, подошел и прижался лбом к холодному стеклу, вглядываясь в небо. Волнение охватило его. «Не может быть!» – мелькнула мысль. Сияние звезды продолжало усиливаться. От нее плавно тянулся серебристый луч, разрезая ночную тьму и удлиняясь до тех пор, пока не коснулся окна перед Ваней. Стекло вспыхнуло ослепительным светом, заставив мальчика испуганно отскочить и зажмуриться. Ваня замер на мгновение с закрытыми глазами, чувствуя, как сильно повеяло холодом, словно стекло на окне вдруг исчезло. Он сделал шаг назад, и босые ноги обжег захрустевший снег. Ошеломляющая догадка взорвалась в голове: «Я уже не дома!» Ваня открыл глаза и чуть не упал от увиденного: никакого окна перед ним больше не было, как не было и уютной кровати рядом, и письменного стола с ночной лампой, и мягкого ковра на полу. Вместо этого вокруг белела снежная пустыня, раскинувшаяся повсюду, куда ни глянь, – в точности, как год назад, когда он съехал с ледяной горки и очутился в неизвестном безлюдном месте! Над головой чернело звездное небо, и свет крупной яркой звезды еще серебрил снег перед ним, но постепенно угасал. Луч становился тоньше и, казалось, таял, исчезая.

– Подожди, Благовей! – крикнул Ваня, подняв к звезде испуганное лицо. – Верни меня назад, домой!

Но либо звезда ничего не ответила ему, либо Дар Толкователя Языков почему-то не действовал. Луч продолжал меркнуть. Мало того, на небо со всех сторон начали наплывать тучи, стремительно скрывая звезды.

– Благовей! – возмущенно и одновременно испуганно, что было сил, заорал Ваня. – Я же замерзну! Верни меня домой! Немедленно!

Но через пару мгновений тучи полностью укутали весь небосклон, и сквозь их плотную завесу не мог пробиться свет ни одной звезды, даже такой крупной и яркой, как Великий Благовей. Стало темным-темно. Ваня в ужасе огляделся: вокруг почти ничего не было видно. В этот раз все было гораздо хуже, чем тогда, когда он очутился здесь впервые. Теперь он стоял в пижаме, утопая босыми ногами в снегу, и холод обжигал его так сильно, что руки затряслись, а колени заходили ходуном. «Ну и что мне теперь делать?» – подумал мальчик, чуть не плача. В довершение ко всем несчастьям, поблизости раздался волчий вой. Сердце у Вани оборвалось и ушло в пятки. Неужели все повторяется, и ему вновь придется уносить ноги, спасаясь от волчьих зубов? Но не успел он пуститься в бегство, как от неожиданности замер, как вкопанный: в черном, затянутом тучами небе вспыхнул яркий свет. Вдали появились очертания знакомых саней, запряженных тремя оленями с причудливо разветвленными рогами, и, в точности, как в прошлый раз, Ваня разглядел в тех санях белобородого старика в красном длинном тулупе. «Надо же, второй раз в жизни вижу Деда Мороза! Жаль, только он меня сейчас не видит!» – подумал Ваня, провожая взглядом чудесное виденье, и горестно всхлипнул. Олени промчались по небу и быстро исчезли вдали. Снова стало темно.

Неожиданно где-то совсем близко раздался пронзительный разъяренный женский вопль. Ваня вздрогнул от испуга и стал пристально всматриваться в кромешную тьму. Сначала ничего не было видно, только слышались ругательства и злобный визг. Но когда глаза привыкли к темноте, мальчик разглядел совсем недалеко от себя, шагах в пятидесяти, очертания высокой женской фигуры, а затем и волков, присевших вокруг нее. Женщина топала ногами и кричала, злясь отчего-то, и было в ней что-то очень знакомое Ване. Страшная догадка вспыхнула в голове: «Леденюха! Но этого не может быть! Я же сам видел, как она превратилась в лужу!» Мальчик вжался в снег, дрожа больше от страха, чем от холода, чтобы злая ведьма и ее зубастые слуги его не заметили. Какое-то время он слушал пронзительные гневные вопли, к которым чуть позже прибавился жалобный волчий визг, но вскоре все стихло. Осторожно выглянув из укрытия, Ваня увидел, что волчья стая удаляется, направляясь к светящимся вдали огонькам Снеговении, и следом за ними летит белая ворона. Ване срочно нужно было добраться до деревни, иначе он мог просто замерзнуть и навсегда остаться в этом сугробе, но бежать туда сейчас было нельзя: волки могли его почуять. Пришлось выждать, когда стая во главе с ведьмой удалится на приличное расстояние, и только тогда пойти вперед. Быстро идти не получалось – он утопал по пояс в глубоком и рыхлом снегу, а когда добрался до деревни, то уже совсем не чувствовал ног от холода. Снеговики встретили его даже не пением, а тревожными вздохами, словно хотели что-то рассказать. «Ах-ах-ах! Ох-ох-ох! Ай-яй-яй!» – причитали снежные чело-вечки, каждый на свой лад. Ваня вприпрыжку промчался сквозь распахнутые настежь ворота, заметив с тревогой, что сторожей на них не было. Это было странно и могло означать одно: в деревне случилась беда.

Дорогу к дому бабушки Акулины-Вязальщицы, где жила Живинка, Ваня помнил хорошо и быстро добрался до него. В окнах горел свет, что выглядело еще более странным, чем распахнутые ворота: ведь была глубокая ночь, и в это время люди обычно спали. Не зная, чего ждать, Ваня забарабанил в дверь онемевшими от мороза руками. Открыли не сразу. А когда дверь все-таки медленно и со скрипом отворилась, Ваня увидел не Живинку и не ее бабушку, а очень бледную незнакомую женщину с красными заплаканными глазами. Та пристально смотрела на него несколько мгновений и лишь потом позволила войти. В доме было холодно, даже морозно, почти как на улице, – наверное, давно не топили печь. И не пахло свежее испеченными булочками и пирогами, как в прошлый раз. Женщина накинула на дрожащего от холода Ваню пуховую шаль, и приятное тепло мгновенно окутало его, согревая. «Ага, шаль самогрейная!» – Он вспомнил, что вещи бабушки Акулины всегда были такие теплые, будто их только что сняли с печки. Вдруг сердце ёкнуло и забилось, как бешеное: в дальнем углу, на кровати, Ваня заметил девочку, лежащую с закрытыми глазами, но она не спала. Девочка казалась мертвой! По крайней мере, в лице ее не было ни кровинки – лицо выглядело еще блее, чем у женщины, открывшей Ване дверь. «Живинка!» – вскрикнул он, узнав. Конечно же, это была она. Бескровное лицо не оставляло надежд на то, что девочка жива.

Чья-то рука легла Ване на плечо. Он обернулся. Седобород! Но как-то изменился. Что с ним не так? Ах, да, борода из угольно-черной стала совершенно белой. И тут Ваня заметил, что в доме было полным-полно людей. Они стояли вдоль стен комнаты и перешептывались, разглядывая его. Некоторые были ему знакомы. Почему они все здесь? Что стряслось? Неужели Живинка... уме...? Ваня прогнал страшное слово из своих мыслей, все еще надеясь на чудо. И оно произошло! Живинка вдруг приоткрыла глаза и выдохнула тихо, еле слышно:

– Ваня...

– Живинка, что с тобой?! – выкрикнул он, но глаза ее уже закрылись, и признаков жизни по-прежнему не было видно на ее лице.

– Не шуми, – раздался из-за спины знакомый голос предсказателя. – Жива она. Только вот жизнь в ней едва теплится...

– Почему? Что такое? – Ваня почувствовал облегчение. Жива ведь!

– Леденюха воскресла, – сообщил Седобород мрачно. – По деревне прошлась, половину жителей в бездыханный лёд обратила.

– Я ее видел только что. Вместе с волками! Белой вороной в сторону города полетела!

– Ну, значит, плохи наши дела. – Седобород сокрушенно покачал головой. – Решила, значит, там теперь разгуляться. Вот беда! Откуда только взялась, проклятая?!

– Это я виноват, – послышался из угла печальный мужской голос. Все повернулись и посмотрели на крупного полного человека, выглядевшего так, будто он совершил что-то ужасное и теперь сильно раскаивается.

– Петр? Ты-то при чем? – удивлённо спросил Седобород.

– Да вот... накануне вечером я домой возвращался. По дороге платье в снегу нашел, будь оно неладно, и домой приволок, – отвечал тот, виновато опустив голову. – А жена моя его взяла да примерила. Ну и обомлел я, когда увидел вместо нее ледяную статую на полу! А потом и ведьму саму заметил. Махонькая была, как сверчок. Мне бы прихлопнуть ее надо было, раздавить одним пальцем! А я, дурак, все глазам своим не верил, разглядывал – думал, мерещится мне... Помню только, как похолодело все внутри, обожгло всю душу морозом, и все... Живинке спасибо, добрая душа, спасительница наша. Отогрела, вернула к жизни и меня, и жену с детьми! Нас-то отогрела, а сама, вон, слегла, бедная... Эх, если б не то платье! Ведьмино, значит, оно было! Теперь вот сколько еще бед Леденюха натворит, и подумать страшно!

Люди зашептались. Голоса были разные – и сочувствующие, и осуждающие. Но Седобород решительно заявил:

– Ни в чём ты, Петр, не виноват! Не было в том твоего злого умысла. Видно, время ее пришло, ведьмово время. Так бывает, всем известно. Сколько боремся с проклятой злодейкой, сколько раз думали, что победили ее, ан нет! Живучая она, гадина! Вечная Тьма ей помогает и всегда будет помогать, как и другим злодеям! И, слышал я, она это через Корень Зла делает. Если его не искоренить, то и злодеев победить никогда не удастся.

– Искоренили б, если б знали, где тот корень пророс! – раздался в толпе немолодой женский голос, и Ваня обрадовался, узнав доброе круглое лицо бабушки Акулины.

– Вот Ваня, спаситель наш, узнает, пойдет и искоренит, – сказал Седобород, отчего у Вани брови взлетели на лоб.

– Я?! Искореню?! Как это?! Я не собираюсь никуда идти! Я домой хочу! Я вообще не понимаю, почему снова здесь очутился! – протестующее затараторил Ваня, но Седобород прервал его.

– Ясно, почему: Благовей тебя выбрал, как и в прошлый раз!

– Но с чего он решил, что я смогу чем-то помочь?

– Благовей – великий мудрец, все видит, все знает... В прошлый раз ты наш мир от злодеев спас, и в этот раз сможешь...

– Да я бы с радостью, но понятия не имею, как с ведьмой справиться! – протестовал Ваня. – В прошлый раз мне удалось ей в лицо огнем плюнуть, потому что она этого не ожидала. Теперь Леденюха меня к себе и близко не подпустит!

– Найдется другой способ, – уверенно ответил Седобород. – Мы все в тебя верим. И надежда наша только на тебя.

Ваня даже ссутулился от свалившейся на него ответственности: весь народ Снеговении надеялся на него, а он вовсе не был уверен в том, что сможет принести хоть какую-то пользу! Вдруг взгляд его упал на полумертвую Живинку, о которой он на мгновение позабыл.

– Что с ней? Она поправится? – спросил он с надеждой на положительный ответ.

– Бедная девочка... – послышался слабый шепот справа от Вани. Говорила та самая женщина, которая открыла ему дверь. Вид у нее был почти такой же болезненный, как и у Живинки. Ваня вдруг узнал ее. Это ей он подал руку год назад, когда она выбиралась из логова Леденюхи в лесу! Так, значит, перед ним была Добролюба, мать Живинки.

– Всю свою силу жизненную дочь отдала людям, оживляя их. В ней лишь слабая искорка осталась, – продолжала женщина, с трудом выговаривая слова. – Дотянула б до утра... Взойдет солнышко, мы ее на свет вынесем, солнечные лучи ее силой наполнят, только б дождалась рассвета...

– До утра недолго осталось, дождется уж, – ответил Седобород, желая подбодрить мать.

Вдруг все вздрогнули от того, что резко хлопнула входная дверь, и незнакомый Ване человек, громко топая и тяжело дыша, ввалился в горницу вместе с клубами пара, а его брови, усы и борода были покрыты инеем и мелкими сосульками.

– Беда, братцы! Леденюха во дворце! На трон села!

В избе раздался единоголосный вздох ужаса.

8. В дорогу, на поиски солнца

После секундной паузы в горнице начался переполох. Мужчины вскочили, начали хватать тулупы и наскоро натягивать валенки. Женщины загомонили, запричитали, некоторые тоже начали собираться, но мужья их останавливали. Через пару минут изба наполовину опустела. Кроме Вани и лежащей без чувств Живинки, остались лишь ее мать Добролюба, бабушка Акулина, да еще несколько старушек и женщины с ребятишками. Отец Живинки (Ваня вспомнил, что его имя – Щитобор) тоже умчался вместе со всеми сражаться с ведьмой. Ушли даже самые дряхлые старики. Седобород еще возился с застежками на тулупе, собираясь пойти за ними следом.

– Надо бы захватить кое-что, – сказал он, подошел к Живинке, и, осторожно перерезав ножом кожаный шнурок, обвивавший ее шею, снял с него деревянный свисток. – Нам сейчас любая помощь важна. Надо бы сов из леса позвать. А вы, – обратился он к Акулине и Добролюбе, – парня-то накормите, чаю налейте, оденьте, а то стоит босой, ноги посинели вон, замерз совсем...

– Ой! – Бабушка Акулина, опомнившись, всплеснула руками. – Что ж это я?! В доме гость дорогой, а я ему до сих пор чаю не налила!

Она загремела крышкой сундука, трясущимися от волнения руками вытащила из его недр охапку теплых вещей и, сунув ворох Ване, помчалась к самовару, засуетилась вокруг него, разогревая. Седобород взял Ваню за плечи, глянул ему в лицо и произнес:

– Ничего не бойся! Иди и делай то, что велит твое сердце! Все у тебя получится. Но берегись злостня.

– Злостня?! Это ещё кто такой?! – с тревогой в голосе спросил Ваня. Предостережение Седоборода прозвучало устрашающе и не понравилось ему.

– Рассказывать долго, сейчас на долгие разговоры времени нет. Ты бабу Акулину попроси, она знает...

С этими словами он повернулся и поспешно вышел из дома. Ваня ошарашенно смотрел ему вслед.

Чернильная синева за окном посветлела и сменилась бледной серостью утра. Бабушка Акулина и Добролюба усадили Ваню за стол, заставленный пирогами и блинами, а сами вышли на улицу, но вскоре вернулись, мрачные.

– Нет солнца. И, похоже, не будет! Небо все в тучах, – прошептала бледными губами Добролюба.

– Плохо дело! – Бабушка Акулина тревожно покачала головой. – Долго ждать нельзя – не выживет...

Последние слова старушка произнесла очень тихо, но Ваня услышал, вскочил с лавки, чуть не опрокинув кружку с чаем.

– Что значит «не выживет»?! – выкрикнул он испуганно.

Добролюба стерла с лица слезу и села на край кровати рядом с дочерью. Взяв ее безжизненную руку в свои, начала медленно раскачиваться, и по ее стеклянному взгляду Ваня понял, насколько сильно мать убита горем. Похоже, дело плохо, Живинка в опасности!

– А есть у вас самоходные сани? – вдруг спросил он, осененный идеей.

– Далеко ли собрался? – удивилась бабушка Акулина.

– Солнце искать! Оденьте Живинку, я полечу с ней туда, где туч нет!

– А ведь дело! – обрадовалась старушка. – До чего ж у тебя голова светлая, Ванюша! И вправду, зачем сидеть и ждать? Отправляйся в дорогу! И сани есть, во дворе за домом стоят.

Глаза у Добролюбы вспыхнули надеждой. Она медленно поднялась и начала помогать суетящейся бабушке Акулине, которая уже достала из сундуков походные рюкзаки и склады-

вала в них необходимые вещи. Туда отправились знакомые Ване «хлебосольники» и «водо-хлебники», теплые «самогрейные» одеяла, запасные носки, рукавицы и шапки, и вскоре сборы были окончены. Живинку, не подающую признаков жизни, одели и осторожно вынесли на улицу, где уложили на мягкое сиденье обитых красным бархатом просторных саней – похоже, тех самых, в которых они с ней путешествовали в прошлый раз. Перед прощанием Ваня задал бабушке Акулине не дающий покоя вопрос:

– Мне Седобород сказал, что я должен остерегаться злостня, но не успел объяснить, кто это. Сказал, что вы знаете.

Акулина вздрогнула и наморщила лоб в раздумьях. Ваня догадался, что старушка колеблется, говорить ему или нет, а значит, она что-то, и правда, знала. Помолчав пару секунд, она ответила, махнув рукой, будто это что-то было не так уж и важно:

– Не надо тебе всякой чепухой раньше времени голову забивать, Ванюша. Ты, главное, на солнышко Живинку поскорее вывези, а она, как очнётся, так сама тебе все и расскажет.

Допытываться было неловко и некогда. После поспешного прощания Ваня усилием мысли поднял сани в воздух. Надо же, не забыл, как это делается! Правда, с тех пор прошел только один год, но это в его мире. А в Неявь-мире сколько прошло времени? Мальчик прикинул: когда в его мире проходит день, здесь – целый год. Ну а если в его мире прошло триста шестьдесят пять дней, то, что же получается, здесь – триста шестьдесят пять лет? Фантастика! Но, похоже, так и есть. Интересно, а Живинка, хоть и выглядит плохо, но совсем не постарела! Даже почти не повзрослела... Наверное, люди в Неявь-мире живут по несколько тысяч лет, если не вечно! Когда Живинка очнется (а она обязательно придет в себя, он даже и мысли другой не допускал), Ваня расспросит ее об этом. Ну, а сейчас нужно поскорее попасть туда, где светит солнце, чтобы спасти ее!

Бабушка Акулина и Добролюба, а вместе с ними другие женщины и дети, высыпавшие из дома, чтобы проводить их, остались далеко внизу, и лиц их уже нельзя было разглядеть. Деревенские домики стремительно уменьшались, и сани с дикой скоростью поднимались все выше и выше. От такой высоты даже голова закружилась. Вдали за спиной виднелись городские башенки. Где-то там, во дворце Деда Мороза, сидела на троне ведьма Леденюха, чудом воскресшая и ужасно злая. Ваня хорошо помнил ее холодные безжалостные глаза. Ему предстояло вскоре вновь взглянуть в них, только сначала хорошо было бы найти способ, с помощью которого можно будет уничтожить злодейку раз и навсегда. А прежде всего надо отыскать солнце, чтобы вернуть Живинку к жизни. Знать бы еще, в какую сторону лучше полететь! В Весению? Но там, на границе, сани вновь, как и в прошлый раз, опустятся вниз и откажутся двигаться дальше. Живинка худенькая и легкая, но вряд ли Ваня сможет пронести ее далеко. А если и там солнца нет? Она будет обречена! Тогда лучше перелететь Одинокие Горы. Где-то у их подножия живет дракон, который однажды уже помог им. Если за горами нет солнца, дракон может перенести Ваню и Живинку через Грохочущее Море в Осению. А там, даже если небо окажется в тучах, королева Листопадия и принцесса Дождинка сумеют разогнать их, ведь обе – Повелительницы Дождя. Только надо поторопиться! Ведь сказала же бабушка Акулина: «Без солнца долго не протянет». Ваня не знал, сколько у него времени, поэтому старался не думать о плохом. Даже мысли не допускал, что Живинка может не очнуться.

Ваня направил сани в сторону горных пиков, темнеющих на фоне пасмурного неба. Низкие тяжелые тучи медленно ползли, цепляясь за остроконечные вершины, и не было в них ни малейшего просвета, а значит, ни единого шанса на то, что сквозь них украдкой проскользнет даже тоненький солнечный лучик, так необходимый утешающей Живинке. Ваня с тревогой посмотрел в ее бледное лицо. Дышит ли? С облегчением заметил, как едва уловимо дрогнули ресницы – жива. Сани мчались по небу с огромной скоростью, ветер обжигал щеки, на глаза навернулись слезы, и дышать было трудно. Но Ване казалось, что они летят недостаточно быстро. Дорога была каждая минута. «Скорее! Скорее!» – подгонял он свой волшебный транс-

порт до тех пор, пока не увидел проплывающий под ним Острый Пик. Далеко внизу зазеленел лесной массив. Донесся шум морского прибоя, и темно-синяя водная гладь показалась на горизонте, укутанная одеялом из плотных серых туч. Солнца не было и в помине.

Сани снизились у самой кромки воды. Ваня соскочил с них и принялся что было сил звать дракона. Не давала покоя мысль, что тот мог покинуть эти места, и тогда Живинка будет обречена. Ведь Ваня не сможет переправиться через море без его помощи и назад, через горы, вернуться не сможет, потому что сани, стоявшие на теплом песке, ни за что не взлетят! Так однажды уже было – в Весении. «Сани – это зимний вид транспорта. Снега нет, значит, не поедут и не полетят», – вспомнились слова Живинки, прозвучавшие тогда. Вся надежда была сейчас на дракона, но время шло, а он все не появлялся.

– Драко-о-он! Драко-о-он!! – Ваня не жалел голоса и уже охрип, а вместо крика из горла вырывалось шипение. Он вспомнил, как однажды заболел ангиной. Тогда при попытке сказать что-то получался такой же сиплый свист. Разве услышит дракон из глубины леса этот слабый звук? Если он вообще еще там! Паника все сильнее охватывала Ваню, а надежда спасти Живинку таяла.

Вдруг вершины деревьев заходили ходуном, и над ними поднялась в воздух гигантская зеленая туша, хлопая кожистыми крыльями. Ваня зашипел еще сильнее, радуясь его появлению, и сорванный голос его звучал, как сотня проколотых шин. Но разве это было важно? Главное, что дракон заметил его и торопился на зов. Вначале до Вани донесся лишь звериный рык. Неужели Дар Толкователя Языков не вернулся? Но тогда они не поймут друг друга! Однако бессмысленное рычание летящего чудовища вскоре обрело знакомую Ване стихотворную форму. Дракон радостно кричал ему:

*«Возвратился ты назад,
И тебе я очень рад,
Ведь не ждал увидеть снова
Друга, сердцу дорогого!
Я с тех пор леса не жгу,
Я деревья берегу,
Жгучий перец не жую
И огнями не плюю!»*

– А я-то как тебе рад! – прошипел в ответ Ваня, чуть не плача от счастья. – Мне так нужна твоя помощь! И срочно!

– Я твою услугу помню, что попросишь – все исполню, – отвечал дракон, опустившись на берег рядом с Ваней и подняв крыльями настоящую песчаную бурю. Заметив Живинку, спросил удивленно:

– Что с подругою твоей? Нет совсем лица на ней!

– Ей очень плохо! Помочь может только солнце, его тепло и свет! А на небе тучи!

Дракон поднял вверх длинную морду и выдохнул пар из огромных выпуклых ноздрей, издав печальный вздох:

*«Тучи небо обложили,
Солнце ясное закрыли,
Стало холодно в горах,
Я без солнышка зачах!»*

– Прошу тебя, перенеси нас с Живинкой через море, в страну Осению! Ты такой большой и сильный, ты сможешь! – взмолился Ваня.

*«Для людей я с давних пор
Страшный монстр Огнегор!
Как огня, меня боятся,
Захотят со мною драться,*

*И, едва завидев нас
С боем выгонят тотчас!»*

Таков был ответ дракона. Об этом Ваня как-то не подумал. В самом деле, как встретят их на том берегу? Знают ли жители Осении о том, что дракон на самом деле не собирается на них нападать? Только Агриппина знала, что дракон не злой, но вряд ли бабочка сумела рассказать об этом королеве Листопадии и Живинке, ведь те не понимали других языков. Скорее всего, в Осении дракону будут не рады и попытаются прогнать прочь! Но другого выхода не было. Во что бы то ни стало Ваня должен попасть в королевский дворец, пусть даже рискуя жизнью! Вот только бедному Огнегору тоже придется рисковать...

– Пожалуйста, сделай это для меня, перенеси через море, иначе Живинка погибнет! Ей срочно нужен хотя бы маленький солнечный лучик!

При этом Ваня посмотрел на лежащую в санях девочку, и его сердце сжалось от страха. Лицо Живинки приобрело голубоватый оттенок. Он нагнулся над ней и прислушался. Успокоился, различив слабое дыхание. Но как долго она ещё сможет дышать? За спиной раздался гулкий голос дракона:

*«Ладно уж, тебе, как другу,
Эту окажу услугу!
На хребет мой заберись,
Да как следует держись.
А подругу я возьму
И зубами подниму.
В море не свалитесь с нею,
Ведь нырять я не умею!»*

Долго уговаривать Ваню не пришлось. Он ловко забрался на драконий хвост и, держась за гребень, вскарабкался вверх по гладкой зелёной спине. Оттуда с замиранием сердца наблюдал, как дракон острыми белыми зубами подцепил воротник шубки Живинки и, крепко держа, перенес и положил ее рядом с Ваней, точно она весила не больше перышка. Ваня обхватил ее одной рукой, а другой вцепился в кожистый гибкий гребень. Не упасть бы, в самом деле, в морскую пучину. Он поерзал, устраиваясь поудобнее. Гладкая спина дракона скользила, как кожаное сиденье неудобного кресла. «Готов!» – крикнул мальчик дракону. Тот взмахнул своими гигантскими перепончатыми крыльями, обдав его ветром, плавно поднял в воздух свое грузное круглое тело и полетел над темной колышущейся водой.

Впереди устрашающе чернели иссиня-фиолетовые тучи, не оставляя надежды увидеть в Осении чистое голубое небо и солнце. «Да что такое случилось в Неявь-мире?! – с тревогой думал Ваня, глядя на унылую картину. – Почему и здесь все затянуто тучами? Что-то мне все это не нравится». На душе у Вани было беспокойно. Нехорошее предчувствие, тяготившее его, усиливалось. В завываниях ветра будто слышалось предупреждение о поджидающей опасности и какой-то страшной беде, но Ваня не мог уловить ни одного целого слова, а лишь невнятные обрывки, оттого, что ветер носился вокруг них, как бешеный.

От влажного морского воздуха теплые зимние вещи напитались сыростью, стало неудобно и зябко, хотя волшебная «самогрейная» одежда по-прежнему излучала тепло. И все же промозглый холод забирался за воротник и в рукава, противно щекотал и пощипывал кожу длинными влажными щупальцами.

Дракон старался лететь так быстро, как только мог, и всюду махал крыльями, но Ваня хотел ещё быстрее. Иногда ему казалось, что Живинка перестала дышать, и тогда его сердце замирало. Он всматривался в ее лицо и немного успокаивался, лишь заметив лёгкое дрожание ресниц. «Только не умирай. Осталось совсем немного. Я добуду тебе солнце, добуду. Уже скоро!» – мысленно уговаривал он Живинку. Через некоторое время между хмурым небом и водой Ваня с облегчением различил очертания берега. Медленно росли, приближаясь, очерта-

ния городских домов, запестрели в серой мгле их рыжие черепичные крыши, а вскоре показалась остроконечная башня королевского дворца.

Дракон пролетел над пустынным каменистым берегом, о который с оглушительным ревом бились злые волны, и взял направление к городу. Внизу потянулись узкие улочки, совершенно безлюдные в ранний утренний час. Показалось странным, что в окнах домов не горел свет. Все они были темные и будто ослепшие из-за плотно задернутых занавесок. «Неужели все люди еще спят? – удивился Ваня, разглядывая пустые, мокрые от дождя и покрытые блестящими лужами улицы, вымощенные крупной брусчаткой. – Таким я увидел этот город впервые. Серый и безлюдный, разве что нет ливня. Что же стряслось с Листопадией? Наверное, она грустит о чем-то, раз погода такая пасмурная», – решил он.

Вдруг между серых каменных стен в уличном просвете что-то блеснуло. Ваня напряг зрение, всматриваясь: похоже было на множество спутанных золотистых нитей, перегораживающих улицу. Может быть, жители города украсили ее так к какому-то празднику? По мере приближения стало видно, что веревки сплетены в причудливый узор наподобие кружевной салфетки или... паутины. «Точно, это же паутина!» – понял Ваня, отчетливо разглядев гигантскую, причудливо сплетенную из золотых жгутов сетку, перегородившую улицу поперек и прикрепленную краями к домам, стоящим по обе стороны от нее. Но кто и зачем сплел ее здесь? Каких же размеров должен быть паук, сотворивший такое? Ваня с интересом разглядывал загадочное явление, теряясь в догадках, пока паутина не осталась позади, когда дракон пролетел дальше. Ваня все боялся, что вот-вот на улицах появятся горожане и, заметив летящее над ними чудовище, поднимут тревогу да, чего доброго, решат напасть на них. Дракон ведь говорил о копьях. А может, у них есть ружья? У королевских солдат точно есть, он видел оружие у стражников на воротах. И тогда им не поздоровится! Но они все летели и ни одной живой души так и не встретили. Зато загадочная паутина между домами попадалась всё чаще. Стена вокруг королевского дворца была сплошь опутана золотыми нитями. Выглядело это красиво и одновременно пугающе.

9. Триумф Леденюхи

В это время в Снеговении люди бежали к дворцу, вооружившись кто чем мог, а над ними летели совы, сбившись в кучу так плотно, что издали походили на летящее и трепыхающееся покрывало из перьев. Стоя у окна, Леденюха равнодушно наблюдала за приближающимся к входу разношерстным войском. Что за глупые человечки? На что они надеются? Неужели, и правда, думают одолеть ее своими дубинами, лопатами и – страшно сказать – ружьями, стреляющими, как хлопущие, разноцветной фольгой, чтобы волков отпугивать?! Ну да, конечно, есть среди них те, кто обладает магией, но теперь Леденюха чувствовала в себе такую силу, что вряд ли у них был хоть какой-то шанс. Ещё и сов позвали! Что ж, сгодятся на прокорм волкам. Сама она теперь всякой мелочью не питается. Теперь у нее полно отличной еды. Однако не мешает позаботиться о том, чтоб ее еда не разбежалась! И Леденюха, обернувшись вороной, выпорхнула в окно на противоположной стене зала, чтобы бегущие люди и летящие совы ее не заметили.

Она поднялась на крышу дворца и села возле флюгера. Весь город был перед ней как на ладони, разукрашенный новогодними гирляндами и флажками, и походил на праздничный пирог. Это ее награда, ее трофей, долгожданная добыча! Вороньими крыльями Леденюха начала производить кругообразные движения, и вскоре вдоль городской стены за клубился туман. Пусть теперь попробуют сбегать! Колдовской туман никого не пропустит! Ну, а теперь пора объяснить этим глупцам, кто их хозяин – точнее, хозяйка. И Леденюха спикировала вниз, к входу во дворец, где уже завязалась неравная схватка сов с волками. Волки скулили и визжали, застигнутые врасплох, и пытались обратиться в бегство, но птицы вцепились когтями в их шкуры и долбили клювами их морды, а люди колотили по волчьим телам дубинами. Пусть на минутку поверят, глупцы, что перевес на их стороне! Сейчас она им всем покажет!

Вернув себе человеческий облик, Леденюха встала неподалеку от побоища и несколько секунд наблюдала за рычащим и визжащим клубком из птиц, волков и людей. Перья и клочья шерсти летели в разные стороны, точно крупные снежные хлопья. Ведьма медленно подняла обе руки и сосредоточила свою магическую силу на кончиках пальцев, а затем резко взмахнула ими. Тысячи осколков льда двумя мощными потоками устремились к дерущимся и впились в их тела. Благодаря магическому заклинанию, произнесённому ведьмой в момент броска, острые осколки ранили только противников и не причинили вреда ее волкам. Ведьма вновь и вновь взмахивала руками, бормоча заклинание, и новые потоки колючих льдинок срывались с пальцев, мчались к своим жертвам и жалили их. Люди беспомощно замахали руками, пытаясь защититься, и побросали все свое оружие. Совы закричали и взмыли вверх, но льдинки доставали их даже на высоте, и вскоре подбитые раненые птицы начали падать на землю.

Вдруг из мятущегося хаоса навстречу ведьме вышел высокий широкоплечий мужчина с окровавленным лицом. Наверное, поэтому Леденюха не сразу узнала его и не успела остановиться. Выпущенный ею ледяной заряд завис в воздухе на уровне его груди, вибрируя и дрожа. Она не на шутку перепугалась и закрыла руками лицо, но это не помогло ей – все выпущенные ею многочисленные ледышки с той же скоростью помчались обратно к своей хозяйке и вонзились в ее тело острыми краями. Леденюха завизжала не своим голосом, но сквозь визг все же слышала насмешливую фразу:

– Ну что, получила, подлюка?

– Щ-щ-щ... – зашипела ведьма, прижимая руки к губам, по которым вместо крови струилась влага – давно, очень давно кровь перестала течь в ее жилах, с тех пор, как ее обнял зло-стень. Она хорошо помнила, когда это случилось. С того дня в ее жилах текла ледяная вода.

– Узнала меня? Да, это я, Щитобор! – вновь раздался голос наглеца, посмевавшегося ранить ведьму ее же оружием. – Давай, выстрели ещё! Или не хочешь больше?

– Щитобор-р-р!! – Леденюха зарычала от ярости. – Надо же, воскрес! Я ещё не забыла, каково твоё тепло на вкус. Ну вот, снова попробую! Однажды ты не сумел защитить ни свою женушку, ни себя. Неужели надеешься, что в этот раз получится?

Перед ней стоял целый и невредимый Щитобор – отец вездесущей Живинки, доставившей ведьме столько неприятностей. Однажды он вместе с женой Добролюбой выследили Леденюху и попытались поймать. Глупцы, на их месте она не стала бы никого ловить! Она считала, что врагов следует уничтожать – убивать, то есть. А эти убить не могут, мараить себя злыми деяниями не желают. Вот и получили то, за чем явились! Правда, подлый мальчишка из Явь-мира сумел-таки одолеть ее однажды и чуть не убил, отчего ожили все ее жертвы. Ну так что ж, теперь она это быстро исправит. И Леденюха решительно шагнула навстречу Щитобору. Тот не отступил, выставил перед собой обе руки ладонями вперёд. Леденюха поняла, что лыдинками стрелять ей больше не стоит: он снова отбросит их ей обратно. У нее был другой способ. Вдруг боковым зрением ведьма заметила справа и слева от себя подкрававшихся людей. Те изготовились набросить на нее веревки. Какие же все они глупые! Леденюха быстро дунула вправо и влево, и те попадали замертво, со звоном ударяясь друг о друга ледяными телами. Она сделала ещё шаг навстречу Щитобору и почувствовала, что это далось ей с большим трудом. У этого человека был сильный магический дар – Дар Защитника. Он противостоял ее злу и мог бороться с ней ее же оружием. Но он и не подозревал, насколько сейчас сильна была ведьма. Леденюха протянула к нему руки. Надо же, как тяжело ей было это сделать! Некоторое время они стояли друг напротив друга на расстоянии пары шагов, замерев в молчаливой невидимой борьбе. И все же руки Леденюхи постепенно приближались к горлу мужчины. Лицо его было напряжено, по шее струился пот, несмотря на мороз, видно было, что он старался изо всех сил остановить ее, но, конечно, не смог. Ведьма обхватила его лицо длинными тонкими пальцами и притянула к себе.

– Пришло время прощального поцелуя... – прошипела она и с шумом втянула в себя воздух. Кожа на щеках Щитобора вмиг стала прозрачной. Ведьма оттолкнула безжизненную ледяную статую и презрительно усмехнулась:

– Ну, вот и все.

Вокруг было видимо-невидимо неподвижных тел поверженных людей и птиц. А те, кто ещё мог стоять и летать, не смели приблизиться. Битва была окончена.

– Собирайте добычу и несите в подвал! – скомандовала повелительница своим слугам. Потрёпанные в бою волки стали послушно хватать птиц зубами и волоком тащить в подземелье дворца.

Люди и совы поняли, что потерпели поражение. Ведьма Леденюха стала сильной, как никогда прежде, справиться с ней они не смогли. Уцелевшие обратились в бегство, но ведьма не останавливала их. Вокруг города кольцом сомкнулся ледяной туман, и сквозь него не сможет проникнуть никто, так что убежать от нее далеко не получится. Тех, кто упал, унесут волки, до остальных она доберется потом. Теперь все они принадлежат ей! Захочет – выпьет их тепло, захочет – заставит служить ей. Ведь теперь ей понадобятся ещё слуги. Много слуг. В стране придется установить новый порядок.

Поле битвы постепенно опустело. На снегу остались лишь капли крови да выдранные клочья шерсти и перьев. Леденюха почувствовала себя уставшей. Много силы ей пришлось истратить. Да ещё были многочисленные раны от ледяных осколков. Ничего, заживёт. А теперь пора бы подкрепиться да отдохнуть. Величественно вышагивая, она прошла во дворец и с важным видом уселась на королевский трон – трон Деда Мороза. Надо же, как приятно, когда сбываются заветные мечты! К тому времени, когда ничего не подозревающий дедушка вернётся обратно, ему будет оказан особый прием. Вот же он удивится, как все в Снеговении переменялось! Расстроится, наверное, что его трон занят. Леденюха улыбнулась, представив себе вытянувшееся лицо Деда Мороза. У ведьмы был впереди ещё целый год, чтобы подготовиться к

долгожданной встрече. А за это время ей нужно было придумать что-то такое, что бы заставило упрямого старикашку пронести ее в Явь-мир. Ведь она поняла, что Благовой ни за что ее туда не пропустит, так и будет в тучах прятаться. Ну ничего, у нее уже возникла одна идея, как попасть в Явь-мир и без помощи ненавистного деда. Нужно только подкрепиться перед тем, как пройти по своим новым владениям, и найти тех, кто сотворит задуманное ею.

Леденюха огляделась вокруг. Убранство тронного зала ей определенно нравилось. Хотя нет, много лишнего. Лучше убрать со стен и потолка всю эту новогоднюю мишуру. А вот узоры иная на стенах – то, что надо. И зеркальный пол, подсвеченный снизу огнями, радует глаз – особенно, когда она видит в нем свое отражение. Теперь она себе нравилась: молодая красавица, полная сил – новая королева Снеговении, могущественная и непобедимая.

Леденюха взяла свой серебряный посох, прислоненный к подлокотнику трона, и нетерпеливо постучала им по полу. На зов госпожи тотчас примчалась стая белых волков и замерла у ее ног. Ведьма указала концом посоха на вожака Злобонрава. Тот завертелся выюном, словно хотел укунить себя за хвост, и превратился в сгорбленного старика с белой бородой, а затем упал перед ней на колени и уткнулся лбом в пол, словно был в чем-то виноват.

– А ну-ка, покажи мне свои трусливые глаза! – гневно закричала Леденюха и топнула ногой. – Где ты был, подлый предатель, когда перед дворцом кипела битва?! Отсиживался в укромном месте? Неужели ты плохо усвоил урок, который я преподала тебе ещё сегодня утром?

– Простите, Ваше Величество. Я думал, что вы во дворце, и прикрывал вход. Вы появились так неожиданно и сразу победили, – еле слышно пробормотал Злобонрав.

– Ты просто трусливый хитрец! На тебя нельзя положиться, поэтому мне нужен новый слуга, более верный, чем ты. – И Леденюха указала посохом на другого волка. – Через себя перевернись, в человека превратись! Будет имя твое Лютозол!

Второй волк завертелся, точно ужаленный и, сделав кувырок через голову, превратился в беловолосого крепкого молодого парня. Он с удивлением осматривал себя, впервые оказавшись в облике человека.

– Вот так красавец! – воскликнула довольная результатом ведьма. – А тебе, Злобонрав, пора уступить место молодому. Стар ты стал, не под силу тебе ответственная работа. Пойдешь в подвал, пленников охранять.

Тот втянул голову в плечи и поплелся прочь, а Леденюха стала превращать волков в людей одного за другим. Теперь у нее было много магической силы, и она могла позволить себе огромное количество новых солдат. Это раньше ей приходилось довольствоваться обществом старого Злобонрава, потому что он был оборотнем, и превратить в человека его было не трудно. Теперь же перед ней, выбираясь из волчьих тел, вставали крепкие и сильные воины – ее армия. Правда, все они были побиты и поцарапаны, но эти мелкие изъяны вскоре исчезнут. Вот только обмундирование у них никуда не годится – изодранные в клочья волчьи шубы нужно будет заменить яркими нарядными кафтанами да надеть им на босые ноги кожаные сапоги. Скорее всего, одежда найдется в тех огромных сундуках, которые она заметила в кладовых дворца. А потом ведьма, охраняемая своей армией, отправится в обход новых владений. Снеговения всегда славилась мастерами, которые умели делать волшебные вещи. Леденюхе как раз срочно требовалась одна особенная вещь. Только как заставить мастеров изготовить ее? Ведьма криво усмехнулась: способов заставить делать то, что нужно, у нее было великое множество, осталось только выбрать самый быстрый и действенный.

Ведьма бросила в окно задумчивый взгляд. По ту сторону бесновалась снежная буря, злобно швыряя белые вихри в дрожащее от ветра стекло. Лохматые черные тучи почти улеглись на землю, укрыв Снеговению серой мглой, а в голове Леденюхи медленно созревал новый коварный план.

10. Золотые пауки ведьмы Карагары

У стен дворца Ваня попросил дракона снизиться. Не было никакой возможности разглядеть сверху, где находятся главные ворота: золотая паутина плотно опутывала дворцовую стену и сад, простирающийся за ней. Зрелище было завораживающим, ослепительно красивым и торжественным, как будто королева Листопадия решила устроить праздник во всем городе и украсила его таким оригинальным способом. Осенняя была страной, в которой вечно царила осень. В своем мире – Явь-мире, как его тут называли, – Ваня с родителями часто выезжал в лес. Мальчик знал, что именно осенью в лесах появляется много воздушной паутины, поэтому в это время года прогулки по лесу он не очень-то любил. Паутина все время прилипала к одежде, а иногда попадала на лицо, невидимая в солнечном свете. Не то чтобы Ваня боялся пауков. Нет, в обморок от них он не падал, но до чего не любил этих мохноногих насекомых! А из школьной программы знал, что некоторые могли быть даже ядовитыми! Он вспомнил омерзительное чувство прикосновения к своей коже множества лапок, когда паук бежал по его руке или шее, и брезгливо поморщился. Интересно, паутина, затянувшая весь город, дворец и сад, соткана жителями Осени или же пауками? И если все-таки пауками, то где же они? Хотелось бы посмотреть на это диковинное существо, плетущее паутину из чистого золота! А в том, что паутина сплетена именно из золота, Ваня не сомневался. Так сверкать и переливаться даже в пасмурную погоду мог только этот благородный металл. С некоторых пор мальчик неплохо разбирался в золоте и однажды чуть не разбогател, разжившись целым мешком золотого песка. До сих пор он сожалел о том, что Живинка сбросила драгоценную ношу в море, боясь, что бабочка Агриппина не долетит до берега. А может, и долетела бы! Ваня взглянул в безжизненное лицо девочки. На виске ее слабо пульсировала голубая жилка – жива. Всю дорогу он то и дело проверял, подает ли Живинка признаки жизни. Во что бы то ни стало нужно было срочно найти солнечное место, но на всем пути им не встретилось ни малейшего просвета в тучах. Ваня с облегчением думал о том, что уж теперь-то, когда они прилетели в Осению, королева Листопадия и ее дочь, принцесса Дождинка, очистят небо, и солнечный свет вернет к жизни его умирающую подругу. Вот только тревожные вопросы не давали ему покоя. Что это за странная паутина? Где все люди? И почему здесь так уныло и пасмурно? Ведь, когда Ваня в последний раз покидал Осению, в небе повсюду сияло солнце. Он знал, что погода в стране напрямую зависит от настроения королевы. Однажды, когда пропала ее дочь Дождинка и королева рыдала от горя дни и ночи напролет, нескончаемый ливень едва не превратил Осению в большое болото! А когда Дождинка нашлась, королева Листопадия несказанно обрадовалась, и тучи исчезли в один миг. Нужно было срочно отыскать королеву и выяснить, в чем тут дело.

Ваня прыгнул с драконьего хвоста и, попросив дракона оставаться на месте, пошел вдоль дворцовой стены в надежде найти вход. Он должен быть где-то здесь. В самом деле, вскоре мальчик различил очертания высоких ворот, замаскированных золотыми нитями. Хотел было приподнять край паутины, чтобы пройти во двор, как вдруг услышал хриплый шепот:

– Беги, глупец! Беги, пока тебя не поймали!

Ваня начал озираться, но поблизости никого не было видно. Неужели показалось? Он снова попытался прошмыгнуть под паутиной, но не тут-то было: нити оказались липкими и приклеились к его одежде. Он дернулся что было сил, но стало только хуже, потому что потянул на себя всю паутину, и тяжелые веревки ворохом упали на него, накрыв с головой. Ваня начал отчаянно барахтаться, но только еще больше запутывался. Вдруг голос раздался вновь:

– Ну вот, и ты попался!

Раздался грустный протяжный вздох. Теперь Ваня совсем ничего не видел. Он намертво застрял в золотом клубке. Стало немного страшно. Что все это значит?! Что происходит вообще?! Это какая-то ловушка?

– Кто говорит? – спросил Ваня, продолжая барахтаться.

– Тебе лучше не дергаться, – отвечал тот же голос. – Если будешь трясти паутину, то придет паук и унесет тебя в подземелье. А вместе с тобой заметит и меня. Но я не хочу в подземелье: оттуда совсем не выбраться, а здесь еще можно попытаться. Я вот постепенно режу веревки ножом. Если повезет, сбегу отсюда.

Ване стало совсем страшно. Он перестал двигаться, замер, и, понизив голос до еле слышного шепота, спросил:

– Что еще за паук?

– Золотой паук ведьмы Карагары. Их тут много. Все кишит ими кругом.

– Кишит? Золотыми пауками? Но я не видел ни одного!

– Они прячутся под своей паутиной и ждут, когда кто-нибудь попадетсЯ и начнет дергаться, как ты! – отвечал тот же хриплый шепот.

– Но ведьмы Карагары давно нет! Я сам уничтожил ее в подземелье! Откуда же пауки ее взялись? – удивился Ваня.

– Ты уничтожил Карагару? – Голос невидимого собеседника звучал взволнованно. – Так это ты – Ваня?! Спаситель из Явь-мира?! О, какое счастье, что ты здесь! Ты снова спасешь нас, правда?

– Да, я – Ваня из Явь-мира, но пока не знаю, как вас спасти. Я вообще не знаю, что тут стряслось. И где Листопадия и Дождинка?

– Здесь стряслось ужасное... – зашептал незнакомец. – Карагара странным образом воскресла. Она взяла в плен водогоров, работавших в подземелье на добыче золотого песка. Об этом рассказали те, кто успел сбежать. Королева Листопадия послала их в Краснолетию, за помощью к королю Солнцецеку, но пока ждала их возвращения, из пещер Карагаровых гор полезли эти золотые пауки. Они плевались в людей золотой паутиной и уносили их в подземелья! Королева не сразу узнала об ужасных событиях. А когда это стало известно, ничего уже нельзя было сделать. Даже сбежать! Пауки оплели золотой паутиной стену вокруг города, все улицы и дороги! В конце концов, ведьма Карагара с целой армией пауков напала на дворец и взяла в плен королеву Листопадию и Дождинку!

Ваня вздрогнул от ужаса. Известие было страшным. Рухнули все его надежды добыть для Живинки солнечный свет. Он теперь не только не мог спасти ее, но и сам оказался в беде! Да и участь Листопадии и Дождинки взволновала его.

– И где же они теперь? – спросил Ваня дрогнувшим голосом.

– Не знаю. Ведьма отправляет всех работать в подземелья, добывать золотой песок или долбить кайлом горную породу, новые месторождения искать. Может быть, и они там. А может быть, во дворце, в цепи закованные, сидят. Я не видел. Знаю только, что Карагара удобно на троне устроилась. Ей пауки золото привозят. В залах дворца огромные кучи уже насыпали. Она его горстями лопает и пауков своих кормит им же. Оттого у них и паутина золотая, – вещал неизвестный.

– А вы-то сами кто будете? – поинтересовался Ваня.

– Я – солдат королевской армии и, наверное, последний уцелевший. Давно тут сижу, режу проклятые золотые веревки. Да только их так много, что за год не перерезать!

– А что же вы не перестреляли пауков-то? – удивился Ваня. – Ведь у вас должно быть оружие, если вы солдат!

– Наше оружие против них бесполезно! Думаешь, мы не пытались? Еще как пытались! Только пули от них отскакивали да в нас обратно летели. Многих из нас ранили, а гадов-пауков – ни одного! На пауках броня золотая, и на ведьме Карагаре тоже. Из золота колдовского сделана. Да еще и с заклинанием, наверное! Неуязвимы они...

Собеседник замолчал. Молчал и Ваня, воспринимая ужасные новости. Положение казалось безвыходным. Надо было как-то предупредить дракона, поджидавшего неподалеку. Ска-

зять, чтобы летел дальше без него. Пусть летит до тех пор, пока не найдет солнце. Ведь Живинка без солнца умрет, ее надо срочно спасать. А Ваня будет думать, как ему выбраться из этой золотой ловушки. Пока Ваня размышлял, как ему подзвать Огнегора и не привлечь внимание пауков, поблизости раздался знакомый рык, и Ваня разобрал слова:

– *И куда же делся вдруг мой надежный верный друг?*

– Кто это? – испуганно вскрикнул говоривший с Ваней солдат. Ведь он-то никаких слов не услышал, только звериное рычание, потому что у него не было Дара Толкователя Языков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.